

18+

АЛЕКСАНДР КРАСНОКУТСКИЙ

О ЛЮБВИ СОВЕРШЕННОЙ И СТРАННОЙ
ЗАПИСКИ ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЯ

Александр Краснокутский

О любви совершенной и странной

«Издательские решения»

Краснокутский А.

О любви совершенной и странной / А. Краснокутский —
«Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Мой
друг Евгений Поляков умер на обратной стороне Луны 5 января 2011 года.
Большинство из нас выбирает Солнце, но Евгений предпочёл Луну. Станный
выбор. Из всех известных мне «людей Слова» Луну выбрал только он.
Сразу замечу, что время и конечная точка перехода — не самая популярная
среди нас тема. Это личный выбор; дело вкуса или цели. Кроме того,
особые обстоятельства и деликатный характер такого решения понуждают
к лаконичности в объяснениях. Но Луна! Переиздание 2026 года.

Содержание

НАЧАЛО	6
1994, апрель	7
1966, август	8
1994, апрель	9
1982, ноябрь	10
1982, декабрь	11
1994, апрель	12
1989, октябрь	13
Без даты	15
1964, июль	16
1994, апрель	17
1985, январь	18
1971, ноябрь	19
1985, январь	20
1985, февраль	21
1988, июнь	23
1988, июнь	25
1994, апрель	27
2002, декабрь	29
1994, апрель	30
1978, сентябрь	33
1994, апрель	34
1995, март	35
1994, март	37
Без даты	40
1995, январь	41
2005, февраль	44
На протяжении всей жизни	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

О любви совершенной и странной

Александр Краснокутский

*Вот это нашел я, сказал Екклесиаст, испытывая одно за другим.
Еккл 7:27*

© Александр Краснокутский, 2026

ISBN 978-5-0069-8746-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

НАЧАЛО

Мой друг Евгений Поляков умер на обратной стороне Луны 5 января 2011 года. Большинство из нас выбирает Солнце, но Евгений предпочёл Луну. Станный выбор. Из всех известных мне «людей Слова» Луну выбрал только он.

Сразу замечу, что время и конечная точка перехода — не самая популярная среди нас тема. Это личный выбор; дело вкуса или цели. Кроме того, особые обстоятельства и деликатный характер такого решения понуждают к лаконичности в объяснениях. Но Луна! Пожалуй, самый неожиданный вариант из возможных.

Мне захотелось вспомнить всё по порядку или как придётся; нельзя загадывать, если речь пойдёт о великих тайнах.

1994, апрель

Самолёт дважды встряхнуло. Обычная предпосадочная суета и шум мгновенно затихли. В резко усилившемся рёве двигателей объявление о приземлении в Пулково показалось неуместной шуткой. Пассажиры с опаской смотрели в иллюминаторы. Фюзеляж, всей тяжестью опершись на крылья, повис между двумя слоями дождевых туч; верхние, светло-свинцовые, в белой опушке малых облаков, поливали тяжёлыми крупными каплями почти чёрные холмы нижних. Казалось, что тёмное, мокрое, лишённое твёрдой основы пространство и есть единственная реальность, в которой наш пилот пытается найти что-нибудь ровное для посадки.

Я не люблю летать утренними рейсами. Два-три часа ночного сна порождают острое ощущение незавершённости суточных циклов, накапливается гремучая смесь апатии и агрессии, часто в итоге — неполноценный или потерянный день. Но сегодня особый случай — встреча с мэром Санкт-Петербурга. Мне заказана разработка топливной стратегии. На совещании выступаю первым. Надо бы ещё раз просмотреть презентацию по дороге из аэропорта.

В салоне потемнело. Заваливаясь влево, самолёт выходил на глиссаду. Судя по жгутикам воды, срывающимся с элеронов, внизу бушует настоящий ливень.

Нет ничего хуже для приезжего, чем ошибиться с погодой, особенно когда летишь с одним портфелем: негоже появляться перед заказчиком в подмоченном виде.

Именно в момент размышлений о превратностях погоды меня накрыл первый приступ боли.

1966, август

С неординарными проблемами собственной плоти я столкнулся в раннем детстве. Это были периодические острые спазмы в нижней части живота. Взрослые не улавливали никакой связи приступов с моим питанием или детской непоседливостью. Казалось, нечто чужое, похожее на руку, погружалось внутрь и начинало подёргивать, тянуть и сжимать моё незащищенное существо. Приступы повторялись всё чаще, боль становилась всё острее.

На маленьком кубанском хуторе, где я жил с бабушкой и дедушкой, не было медиков. Ближайший фельдшер принимал в нескольких километрах, в большой станице, добраться к нему в момент внезапного приступа не представлялось возможным — телегу нужно было заказывать заранее. На хуторе не было не только телефона, но и электричества.

К шестому году моей жизни приступы стали регулярными и заканчивались кратковременной потерей сознания. Из полного беспамьятства я приходил в себя там же, где меня застала беда; воскресал, переживая весь букет ощущений нового рождения.

Как правило, в эти мгновения я лежал на спине и первым, что входило в меня, было небо с громадными белыми облаками, которые в абсолютной тишине плыли по сферически изогнутой синеве степного небосвода. Потом появлялись звуки и запахи.

Тактильное ощущение земли приходило последним. Внутри себя я воспринимал это как приключение.

Сначала мои глаза, ещё мгновение назад видевшие всё небо, самостоятельно суживали восприятие, и сухой горячий ветер, носитель шума и пахучести, наполнял некий тонкостенный пузырь; раздуваясь, он принимал форму мальчишеского тела. Я рассматривал себя с любопытством естествоиспытателя.

Конечно, эта непонятная хворь была поводом к ежедневному беспокойству моей бабушки. После того как домашний арсенал настоек, припарок и молитв был исчерпан, меня отвезли в небольшой южный городок, где жили и работали мои родители. Я не помню подробностей обследования, мне запомнились только трёхэтажное здание районной больницы, его невероятно длинные коридоры, запах хлорки и белизна стен. Диагноз огласил молодой доктор: мальчик абсолютно здоров. Ох, уж эта категоричность молодых специалистов! Опытный врач, высказывая своё мнение, никогда не употребит слово «абсолютно».

На следующий день приступ повторился.

Дело было так. Утром отец взял меня к себе на работу. Пару часов я слонялся по безлюдному ангару, похожему на склад металлолома. Именно там, среди ржавых железок и лоснящихся пятен технических масел, я почувствовал приближение катастрофы. На этот раз невидимая рука не дёргала нити внутри, она одновременно разорвала все мои внутренности. Ноги подкосились, свет погас мгновенно.

Очнувшись, я сразу почувствовал другую реальность. Не было необходимости собирать себя из отдельных элементов — зрение, обоняние, осязание не наполняли меня, как раньше, постепенно, а как бы обрели единство.

Приступы больше не повторялись. Вместе с их уходом я постепенно забыл о навыке самосборки.

1994, апрель

Самолёт ещё не коснулся полосы, а я уже понимал: день не задался. И вовсе не по причине дождя — меня знобило и подташнивало. Пространство салона плыло и причудливо искривлялось. По улицам моего тела шныряли вирусы-мародёры, в моём воображении почему-то очень похожие на мужчин йеменского племени Кинда. Было понятно, что продержаться усилием воли можно часа три, а потом придётся подключать тяжёлую фармацевтическую артиллерию.

Как всегда в этих случаях, в голове начало звучать детское стихотворение «Не ходите, дети, в Африку гулять». Через минуту к декламации мозг присоединил музыкальное сопровождение — что-то из Queen.

Я лихорадочно прикидывал, стоит ли говорить встречающему чиновнику о своей проблеме или разумнее потерпеть, объяснив бледность и уклонение от общения бурной бессонной ночью.

1982, ноябрь

«Маленькие дети! Ни за что на свете не ходите, дети, в Африку гулять». Старшина Иван Стеблов декламировал Чуковского нараспев под мелодию известной рок-группы.

Одновременно он управлял десантной лодкой и гримасничал, пародируя нашего мичмана, который болел после вчерашнего возлияния со стармехом высадившего нас гидрографического судна. Нам предстоял двухсуточный переход от побережья Йемена вглубь, на запад. Мишка Алинин, устроившийся у ног Стеблова, орал, перекрикивая мотор: «Никакая это не Африка, а Аравийский полуостров!»

Ваня улыбался и кричал в ответ: «Милая, чего ты кобенишься? Здесь всё рядом! Отстреляемся и махнём смотреть пирамиды». Низкое солнце и брызги мешали нам ясно видеть приближающийся берег. Ровно также, мы не ощущали своего ближайшего будущего. Хочется верить, что Ванькина душа добралась до Каира.

Через неделю после обустройства базового лагеря к нам на разваливающемся грузовичке приехал пожилой не улыбочивый дядька, молча выгрузил продукты и воду, пошептался с командиром и уехал. За ужином с фруктами и местными сладостями Мишка спросил нашего командира, капитан-лейтенанта Ладыгина: «Кто оплатил этот шикарный банкет?» Тимофей Степанович ответил: «Ешь больше, а вопросов задавай меньше. Наши люди есть везде».

Видимо, батя ошибся. То есть да, конечно, наши есть везде, но и не наши тоже живут повсеместно. Йеменский данаец привёз отравленные продукты. Ночью Ладыгин успел доложить о ЧП.

К утру в живых остались только я и Ваня Стеблов. Нас рвало с кровью. Что-то сочилось по ногам, но сил снять брюки не было. Иван умер около десяти. В полдень солнце начало гаснуть. Прямо в зените. Медленно. Как будто Бог двигал ручку реостата.

1982, декабрь

Тренировки не проходят бесследно. Мой детский опыт самосборки после обмороков не был потерян сознанием. Сложность заключалась в том, что зрение, вынесенное далеко вовне, никак не могло зацепиться за что-то определённое, существовал только яркий, чисто белый свет. Я долго искал себя в мерцающем сиянии и наконец понял: у меня нет век и ресниц; может быть, вообще нет ничего плотского, поэтому я не могу отделить себя от света. Свет — это и есть я и одновременно всё, что существует. Некоторое время такое открытие доставляло мне острое наслаждение. До момента, когда внутри света появился звук. Он не был объёмным, таким, как заполнявший всё пространство свет. Звук имел источник. Это меня встревожило. Я воспринимал себя вездесущим — «внутри» и «снаружи» не существовало, но звук присутствовал как бы сам по себе. Однако, где находится то, что «не я», было непонятно.

Зацепившись за звук, похожий на всхлипывание или тихий плач, я довольно быстро различил неясный контур существа. Это был ангел. У ангела были светящиеся волосы, несколько отличавшиеся по оттенку от всего вокруг, и более белое, чем общий фон, тело; как мне показалось, тело было ярче лица и светящегося вокруг головы нимба. Ангел плакал.

Это открытие повлекло и другие изменения в моём самоощущении. Вначале я был просто мыслящим светом, но вдруг ощутил одиноко висящий внутри распухший язык. Стало ясно, что для общения с ангелом я должен воспользоваться именно им. Первые усилия не дали результата, воздух беззвучно обтекал язык. Потом, выдавив два полусвиста и стон, я наконец спросил: «Почему ты плачешь?» Удивительно, но ангел разобрал мой едва различимый шёпот. Он ответил: «Я не могу попасть!» Почему-то я сразу понял, что речь идёт о рае; видимо, мы находились в каком-то промежуточном состоянии, название которого я знал, но никак не мог вспомнить. Собрав остаток сил, я всё же просипел: «Куда ты не можешь попасть?» Ангел всхлипнул и ответил: «В вену. Я не могу найти вену на твоей руке».

То, что произошло дальше, было озарением. В пять секунд моё сознание ликвидировало беспредельность сияющего белого, превратив свет в покрытые белым кафелем стены; ещё остались несколько ламп крупного медицинского светильника. Ангел превратился в молоденькую медсестру в ослепительно белом халате и в шапочке, из-под которой выбивались светлые локоны.

Через час я узнал, что три недели пролежал в коме в госпитале на военно-морской базе Камрань. К моменту выхода из комы я весил сорок четыре килограмма, имел обширное поражение внутренних органов; несколько пунктов диагноза считались несовместимыми с жизнью.

Так из беспредельного, незамутнённого, мыслящего света я снова стал человеком. Но каким? Китайцы говорят: «Трудно жить в эпоху перемен». Интересно, относится ли это к переменам внутри человека?

1994, апрель

Пока вопрос о выживании не стоит ребром, человек может опасаться подхватить насморк, думать о покупке нового костюма, тихо ненавидеть надоедливое соседа, мечтать об отпуске — мало ли чем бывает забита наша голова. Но как только, по прихоти судьбы, мы обнаруживаем себя у края бездны, то нелюбимый цвет рубашки или прыщик на носу исчезают из актуальной повестки.

Как только я понял, что африканская болезнь снова прижалась ко мне своим поджарым и гибким телом, вопросы о дожде и моём внешнем виде отпали сами собой. Впрочем, они отпали и в буквальном смысле: выйдя на мокрый трап, я обнаружил, что дождь закончился. Облака над головой прорезала ярко-синяя трещина. Хотя по взлётной полосе ещё бежала вода, впору было сказать: «Жизнь налаживается». Так оно и было бы, если бы не тошнота, дрожь и ватность в ногах.

Машина уже ждала в десяти метрах от самолёта, прямо за быстро мелеющим потоком. Из неё вышел мужчина в тёмно-синем костюме с табличкой. Поскольку мои внимание и воля были сосредоточены на подавлении внутреннего мятежа, я пошёл прямо через ручей, не обращая внимания на воду. Встречающий был так ошеломлён, что сделал невольный шаг мне навстречу; отойдя от потрясения, представился: «Владимир». Было видно, что, произнося слова приветствия, он одновременно размышляет, тот ли я человек, за которого себя выдаю. Однако к моменту, когда водитель открыл заднюю дверь, Владимир уже определил своё отношение к внештатной ситуации. Как я убедился позднее, навыки быстро думать и не игнорировать интуицию позволили ему много лет свободно держаться на поверхности политической пены.

Весело окунаясь в громадные лужи, лимузин помчался к выезду с лётного поля. Мой гид сидел рядом с водителем, выказав этим великолепную подготовку зрелого аппаратчика: не важно, как выглядит и как форсирует водные преграды гость мэра; важно, как его велено встретить. Впрочем, и на старуху бывает проруха. Круги под глазами, синие сухие губы и серость кожи были истолкованы Владимиром в рутинном ключе: он обратил моё внимание на широкий выбор напитков в баре автомобиля. Где-то я уже видел нечто подобное.

1989, октябрь

Во времена СССР Натан Абрамович был подпольным дельцом, но не обычным цеховиком: он был цеховиком-философом. Основные предприятия по пошиву джинсов и модной женской одежды Натан Абрамович разместил в Молдавии. Ему нравился Юг. Если бы не подпольные махинации, он бы мог, облачась в лёгкий костюм и парусиновые туфли, беседовать с учениками, прогуливаясь по живописным скверам города Бендеры. Или, например, возродить античную академию вблизи стен городского замка.

По своим воззрениям он был близок к Гераклиту. Даже выглядел как Гераклит на известной картине Иоганна Морельсе, где седой, глубоко задумавшийся человек стоит, опираясь на глобус. Когда я увидел это полотно в музее Утрехта, то не мог поверить в возможность такого сходства. В такой же позе, облокотившись на большой бар на колёсиках в виде глобуса, Натан Абрамович, переполненный скорбью, произносил свои знаменитые монологи. Его еврейская душа, совмещая чему-то невероятно далёкому, передавала мозгу и языку разрозненные части древнего откровения. Смысл откровения был смутен, но прямое воздействие завораживало величием едва приоткрываемой гармонии. Он отрицал постоянство как философскую категорию. Рассматривая разные масштабы бытия, уничтожал или сводил к ничтожному любые константы природы или аксиомы человеческих ценностей. Единственным значимым феноменом мироздания считал время, ровно так, как Гераклит считал единственно достойным осмысления феномен Логоса. Выпивая по две бутылки водки ежедневно, Натан Абрамович никогда не терял контакта с источником своего древнего света. Выгнав охранников и водителя, часами говорил со мной о вещах, суть которых открылась мне десятилетиями позже. В политике он ненавидел тиранов, особенно Сталина. Ровно так же не любил и простого народа. Он считал, что тирания искривляет первозданную божественную ткань бытия, приспособливая её под свои корыстные нужды. Что касается простых людей, то их презирал за непонимание смысла жизни.

Однажды в беседе я процитировал ему диалог героев пьесы Островского: «Как легко ошибиться! Нельзя жить на свете!» — «Не то что нельзя, а при смутном понимании вещей действительно мудрено». Услышав, Натан Абрамович после неимоверно долгой паузы подтолкнул ко мне свой бар-глобус: «Хочешь выпить со мной?»

Его внутреннее, сокровенное на мгновение приоткрылось, будто створки пугливого моллюска. Что-то плотное, физически осязаемое подхватило меня и повлекло, как пушинку, поймавшую речным водоворотом. На несколько секунд стены и даже пол его московской квартиры исчезли; в отсутствие видимых ориентиров я не мог сообразить, падаем мы или взлетаем. В безграничном вакууме парили два человека и между ними бар-глобус. Стаканы в баре подрагивали, початая бутылка водки светилась изнутри. Не то чтобы было страшно, но мой голос сам по себе ответил: «Я не пью, Натан Абрамович, мне нельзя». Сразу после реплики окружающий мир медленно, как бы неохотно начал восстанавливать свои очертания. Часть стены сбоку от дивана дольше всего оставалась неполной, через дыру был виден беззвёздный космос.

Натан печально улыбнулся и вздохнул: «Жаль; мне показалось, ты мог бы понять. Ну что ж, тогда пойдём кататься — я купил новую машину».

Конечно, я понимал: не остаток «Столичной» он хотел разделить со мной в этот вечер, он приглашал в свой мир.

С девятого до первого этажа лифт спускался бесконечно долго, будто давая мне прочувствовать масштаб неиспользованной возможности.

У подъезда стояла новенькая «Волга». «Посмотри, какой буржуазный салон», — сказал Натан Абрамович и вытащил из бара между сиденьями полную бутылку «Пшеничной».

Его убили рэкетеры в конце 1991 года. Перед смертью зверски пытали. Искорёженное тело Натана Абрамовича и трупы охранников нашли под Нижним Новгородом. Он ехал с большой суммой, хотел купить партию машин с так приглянувшейся ему вип-отделкой.

Чем дольше я живу, тем яснее понимаю: московская квартира Натана Абрамовича вблизи Крутицкого подворья была настоящим порталом куда-то к едва различимому краю духовной вселенной. Этот дом всё ещё стоит на прежнем месте, но портал не работает — главную его часть расчленили бандиты, разодрав плотскую оболочку моего второго учителя.

Без даты

Иногда я вижу мир как некий конструктор, в котором перемешаны разнообразные элементы. Многим я дал названия: декорация, знак, воспитатель, отражение, закон. Подробное описание потребует много времени: во-первых, это связано с истолкованием языка, во-вторых, необходимо хотя бы поверхностное знакомство с аксиоматикой.

Мне не хочется занудствовать и мучить читателя долгим введением, поэтому скажу, что человек в этом мире-конструкторе живёт среди многообразных декораций, многочисленных воспитателей, сонма знаков различной природы, отражений всего во всём и многого другого. По мере возрастания успехов ученика конструктор меняет свою конфигурацию, подстраиваясь под педагогические задачи более сложных уровней. Думаю, излишне говорить, что главные изменения происходят не в мире-конструкторе, а в головах и сердцах обучаемых.

Как итог — за хаосом, создаваемым постоянной сменой декораций, и перманентным стрессом учебного процесса школяр начинает угадывать, а потом и самостоятельно открывать великие законы бытия.

Хватит теории! Расскажу о воспитателях.

1964, июль

Это была большая больничная палата. Тринадцать выкрашенных белой масляной краской коек, тринадцать параллелепипедов, расставленных по периметру комнаты так, что головы пациентов располагались у стены, а ноги были направлены к центру. В середине комнаты стоял стол с газетами и костяшками домино. На спинках коек, в ногах больных, висели листочки с указанием диагнозов, назначениями и графиками температуры.

В палату попадали после сложных хирургических операций. Все, кроме меня, были взрослыми людьми. Мне было около пяти, я лежал в лучшем месте — в углу, недалеко от окна. Летнее солнце, перемещаясь по небу, последовательно освещало всех жильцов палаты и давало прекрасную возможность издалека рассмотреть каждого страдальца. Моя сложным образом сломанная нога, подвешенная на медицинском блоке, ограничивала движение. Это было первое ограничение моей личной свободы. Сроком в тридцать суток. Как многие настоящие узники моей страны, я не знал, за что наказан. Старшие мальчишки посадили меня на козу; всем было весело, пока бедное животное не потеряло терпение.

Теперь я могу точно сказать, почему именно этот фрагмент детства в мельчайших деталях сохранила моя память: здесь произошла первая встреча с воспитателем.

Двенадцать взрослых мужчин целыми днями вели бесконечные разговоры; некоторые произносили длинные монологи о вещах, сами названия которых вызывали во мне страстное желание узнать, о чём идёт речь. Я был начисто лишён страха общения с незнакомыми взрослыми людьми, мне казалось: эти дяди такие же, как и я, просто знающие другой язык; этот язык можно освоить, если многократно повторять новые слова и уяснять их значения. Мой мозг, получивший прилив энергии за счёт бездействующего тела, перерабатывал информацию с поразительной скоростью. Через неделю я знал наизусть эпикризы всех больных с датами рождения, названиями операций и даже назначениями лечащего врача. Это было несложно: во время утренних обходов, когда заведующий отделением осматривал очередного пациента, медицинская сестра зачитывала табличку на кровати больного. Однажды заведующий зашёл во внеурочное время, без свиты. Я вместо сестры начал громко декламировать истории болезней по памяти, особенно налегая на название болезней и прописанные лекарства.

Закончив осмотр, хирург подошёл к моей кровати и, прослушав комментарий обо мне самом, не улыбувшись, спросил у вошедшей медсестры: «У нас есть пластырь?» Услышав утвердительный ответ, коротко бросил: «Заклейте этому умнику рот».

Я не заплакал только потому, что не смог моментально вместить произошедшее.

Задержавшись у дверей палаты, этот демон в белом халате посмотрел на меня сквозь очки и холодно произнёс: «Молчание — золото!»

1994, апрель

Выяснив, что моё недомогание не связано с традиционными излишествами молодости, Владимир по радиотелефону связался с дежурным врачом и договорился о капельнице прямо в медчасти мэрии. Потом почти перелез с переднего сиденья ко мне и зашептал: «У нас три часа до начала совещания. Есть фантастический человек, совсем рядом — пять минут езды. Поедем, он поможет».

Я не хотел ехать к неизвестному фантастическому человеку, но вспомнил, что однажды дал зарок никогда не отказываться от экстравагантных предложений без попытки уяснить их суть.

Событие, послужившее импульсом для такого обета, произошло на занесённой снегом окраине Москвы.

1985, январь

После чудесного воскрешения в военно-морском госпитале я перестал бояться смерти. Сам момент перехода от жизни в неизведанное больше не вызывал ни опасений, ни страха: по-настоящему боишься только того, о чём не имеешь ясного представления. Изменилось и моё отношение к немощи и боли — я убедился в том, что любая боль временна, нужно просто терпеть и дожидаться, когда сознание отключит тебя от страдающего тела.

Срок моей срочной службы истёк, и я был отправлен к родителям в Якутск. Не поехал, не полетел, а был отправлен, именно этот глагол точно отражает случившееся. Мою костлявую тушку завернули в две шинели и попутным грузовым военным бортом отправили домой. Так из госпиталя я был перемещён в республиканскую клиническую больницу.

История почти годового пребывания в клинике, возможно, по-своему интересна, а местами и забавна, но её изложение слишком отдалило бы нас от января 1985-го.

В тот год по ходатайству Министерства обороны я был направлен для консультации к медицинским светилам в Москву. Мы с мамой поселились в гостинице в районе ВДНХ, с утра до вечера объезжали научно-исследовательские институты и профильные больницы. Память сохранила нескончаемую череду анализов, обследований и консилиумов; порой недоумение и неподдельный интерес врачей: с такими поражениями не живут.

Хорошо помню сумрачное январское утро, когда мы разделились, чтобы ехать по разным адресам: мама — за очередной бумажкой в военное ведомство, а я — на консультацию к главному гепатологу страны.

Выйдя на улицу, понял: ехать на метро нет сил. Поймал частника на «Москвиче»; поторговавшись, сошлись на трёх рублях.

В салоне автомобиля было тепло и пахло яблоками. Источником удивительного аромата были два больших деревянных ящика на заднем сиденье, в просветы между досками виднелись плоды разных расцветок. Мужчина лет сорока пяти с румянцем на гладко выбритых щеках сам был похож на крепкое краснобокое яблоко.

Некоторое время мы не трогались с места; разыскивая нужную улицу, водитель перелистывал бумажный справочник, между делом несколько раз посмотрел в мою сторону. Я не чувствовал антипатии к этому человеку, но, как часто бывает с тяжело больными людьми, инстинктивно сторонился праздного людского любопытства.

Наконец, отъехав от тротуара, он прикоснулся к моей руке и, откашлявшись, как некоторые делают перед важным заявлением, сказал: «Я тебя вылечу».

Ни во время, ни после реплики он не повернулся ко мне, а смотрел прямо перед собой, лавируя в потоке автомобилей. Однако хорошо читавшийся язык его тела выдавал напряжённое ожидание ответа.

Не могу вспомнить, что вызвало во мне этот бешеный приступ ярости — самоочевидность его здоровья, неуместность и нелепость такого заявления или накопившаяся усталость от бесплодных медицинских манипуляций. Я не закричал, а прошипел, отбросив его руку: «Заткнись! Ты водила. Мы договорились за трёшку, вези! Лечить будут другие».

Мужчина повернулся ко мне лицом, и я заметил, что его лоб покрылся испариной. Мелкие капли пота набухали прямо на глазах и, объединяясь, скатывались на брови и по носу.

Воздух в машине стал плотным. Запах яблок исчез. Изменившимся голосом, похожим на женское сопрано, он сказал: «Тебе осталось три месяца. Решай». Одновременно и очень медленно, так медленно, что это казалось пародией на движение, он полез в карман своей куртки. Я вздрогнул, потому что уже сталкивался с таким плотным, лишённым запахов воздухом и заторможенным движением.

1971, ноябрь

Где место десятилетним пацанам в городе, не предназначенном для детей? Конечно, на свалке. Особенно если это свалка у Якутского телецентра.

Друзья, разве вы не помните золотые дни детства, когда пучок проводов, осколок цветного стекла или божья коровка, ползущая по вашему пальцу, были предметом восторга и вожделения? Обладание такими чудесными фенечками возносило нас к сверкающим вершинам счастья, никакие богатства и искушения взрослого мира не могли уловить наши души.

Среди моих друзей особо редкой и самой желанной находкой считались обрывки трофейной немецкой киноплёнки: она не просто горела, она вспыхивала как порох. Набитая плёнкой тонкая трубка, сплюснутая с одного конца и подожжённая с другого, создавала реактивный эффект, было много шума, огня и дыма. Предполагаю, что это комплексное воздействие на детскую нервную систему приводило к выбросу такого букета гормонов счастья, что каждого пережившего плёночную инициацию ожидала наркотическая ломка на весь срок до обнаружения новой партии обрезков.

День, о котором я пишу, был чёрным. Мы не нашли плёнки, не было даже круглых алюминиевых коробок для её хранения. Обычно, разделённые на две половинки, они использовались в качестве суррогатного заменителя удовольствия: лёгкие половинки контейнеров можно было запускать, как тарелку фрисби.

Судьба явила нам суровое лицо скупердяя. Перерыв все контейнеры, мы обнаружили только стальную коробку для плёнки весом около трёх килограммов. Испытание тяжёлой находки проводили самые сильные. Бросал Вовка, мой сосед по дому, принимать должен был я. Два года в боксёрском зале добавляли мне авторитета в глазах друзей.

Тестирование прошло с чрезвычайным происшествием. Вовка, позже допрошенный с применением психологического насилия, так и не понял, почему он бросил эту железную штуку, когда я ещё не стал на заранее условленную точку.

Крики и свист друзей заставили меня повернуть голову. Я увидел крышку коробки, летящую к центру моей переносицы. Расстояние от крышки до головы было меньше метра. На её тёмно-зелёном торце белой краской был написан номер 589. Будто нечто, происходящее параллельно, мне представилась женщина-техник, пишущая эти цифры раздавленной с одного конца спичкой; она макала свою импровизированную кисточку в помятую жестянку с подтёками краски. Досмотрев, как был дописан нижний хвостик девятки, я вернулся в реальность.

Нет, так не бывает! Зелёная тарелка не летела вовсе. В абсолютной тишине она как бы прилипла к воздуху и медленно поворачивалась вокруг своей оси. Ровно так же сорванные ветром листья приклеиваются к тёмной воде и кружат на поверхности осенних луж. Вероятно, существовала какая-то сила, не дающая железке врезаться в моё лицо; казалось, внутреннее напряжение разделяющего нас пространства препятствовало её движению.

Я успел осознать, как опасно получить удар в лицо тяжёлой болванкой. И ещё в голове прозвучал голос тренера по боксу: «Не успеваешь уклониться — защищай голову!»

Не в силах оторвать взгляда от покачиваний и медленного вращения железки, я закрыл переносицу блоком левой руки. Как только я просунул руку в зазор между собой и диском, он сорвался с места. Удар пришёлся по лучевой кости и был так силен, что через пару часов рука посинела от кисти до локтя. От перелома меня спасло только то, что подставленная рука, видимо, столкнулась с диском под каким-то оптимальным углом.

Празднуня чудо спасения, друзья наперебой восхищались моей боксёрской реакцией, но одноклассник Валерка, стоявший в момент инцидента в двух шагах, подошёл и тихо сказал: «Её нельзя было отбить, я тебе не верю!»

1985, январь

Вот так же, медленно преодолевая уплотнившийся воздух, двигалась ко мне рука водителя, пообещавшего излечение от африканской болезни. Я всё понял: яблочный человек никакой не водитель. Что ж, если судьба возложила свою грациозную руку на твоё плечо, нет никакой возможности отказаться от танца.

Следуя предопределённой драматургии, я шагнул навстречу будущему. В руке водителя был паспорт. Его движения обрели естественную скорость, к нему вернулся и обычный мужской голос. Он протянул мне документ с предостережением: «Осторожно! Внутри вложена фотография внучки».

Я замешкался, и на мои колени упало фото миловидной двадцатилетней девушки. Посмотрев документ, я увидел не только имя, но и дату рождения. Василию Ивановичу было шестьдесят семь лет — на двадцать пять больше, чем я предположил вначале. И хотя ко мне вернулось обоняние и пространство перестало замедлять движения, ощущение нереальности и запредельности происходящего только окрепло.

Василий Иванович посмотрел на часы и сказал: «У нас час. За это время я изложу основы теории и дам практические инструкции. Если ты проявишь непреклонную волю и всё выполнишь — будешь жить». Мы продолжали движение по московским улицам, в окнах мелькали дома и люди, но мне казалось, что все эти картинки просто проецируются на лобовое стекло нашего автомобиля: не мог Василий Иванович одновременно вести машину, говорить и постоянно смотреть в мою сторону. У меня создалось впечатление, что он мало интересовался тем, что происходит на дороге. Неотрывно глядел на меня, не совсем в глаза, а как бы немного выше, на лоб или макушку; если я чего-то не понимал, он замолкал и правой рукой быстро протирал лицо, как если бы на ладони были платок или полотенце, и пояснял трудное место.

Закончил мой спутник так: «Пройдёт время, тебе дадут других учителей. Моё дело — плоть».

Ровно через час машина остановилась у здания клинического института. Василий Иванович взял протянутую мной трёшку, зачем-то посмотрел купюру на просвет и с улыбкой сказал: «Не оскудеет рука дающего». Я вышел, автомобиль отъехал и растворился в потоке городской суеты.

Больше мы никогда не встречались. Василий Иванович был первым посланным мне учителем.

1985, февраль

В бездну неизвестности я шагнул не сразу. То, что предстояло, корбило моё представление о собственном благе. С точки зрения здравого смысла речь шла достаточно экзотическом самоубийстве.

Представьте себе человека, в котором едва теплится жизнь, который, просыпаясь, первым делом пытается понять, какой из поражённых органов болит острее всего, потом прикидывает, хватит ли сегодня сил выйти из дома. И вот этому угасающему существу, стремящемуся при любой возможности немедленно уснуть, уснуть, чтобы хоть на час избавиться от тошноты, говорят: «Ты будешь дважды в день обливаться ледяной водой. Ты будешь по два часа заниматься дыхательной гимнастикой». И ещё несколько пунктов физических практик за гранью добра и зла.

Истерический голос, поселившийся в голове, вопил: «Ну как ты будешь обливаться из ведра, если у тебя нет сил поднять десять килограммов? Как будешь голодать, если твой вес ниже нормы почти на двадцать? Как ты будешь по два часа заниматься гимнастикой, если после десятиминутной нагрузки у тебя от слабости подгибаются ноги?» Я слушал и молчал. Ждал, не очень понимая чего. Но новая надежда — плод январской встречи в Москве — не исчезла. Она зацепилась за что-то внутри и незаметно развела невидимые, но мучительные для меня оковы.

В середине февраля я услышал в себе другой голос, спокойный и требовательный; он говорил только одно слово: «Пора!»

Я и сейчас вижу это красное пластмассовое ведро. Пресс-форма, на которой штамповали его ручку, видимо, никогда не чистилась, из-за этого или по какой-то другой причине снизу на ручке остался такой острый выступ, что о него можно было перетереть бельевую верёвку. Эта мысль пришла мне в голову, когда я, налив ведро, попытался его поднять. На коже моей ладони осталась красная линия. Я смотрел на ладонь и думал: «Вот мои линии: жизни, ума и сердца. А как будет называться эта новая?»

Ушедший в глубокую оппозицию ум тут же нашёлся: «Линия смерти, идиот». Но другой голос сказал: «Об эти острые края ты разорвёшь путы плотского рабства». И снова добавил: «Пора!»

Вечером, наполнив ведро, я вынес его на балкон. Ночью проснулся. Лёжа в тёмной комнате, не открывая глаз, снова и снова повторял: «Пора!»

Потом из памяти всплыли строчки:

Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит —

Летят за днями дни, и каждый час уносит

Частичку бытия, а мы с тобой вдвоём

Предполагаем жить...

.....

Давно, усталый раб, замыслил я побег...

Что же, как не побег, замыслил я в ту ночь?

Утро настало раньше, чем мне бы хотелось. Дождавшись, пока все домашние потеряют интерес к ванной комнате, я пошёл на балкон. В тепле ведро сразу покрылось полотном инея, будто бы надело белую рубашку. Сверху намёрзла ледяная крышка. Пробив дыру в её центре, я извлёк остро пахнувший свежестью ледяной диск. Некоторое время подержал его в руке, потом пошёл и аккуратно опустил на дно ванны. Снял одежду. Влез в ванну. Туда же затащил ведро. Сначала про себя, а потом и вслух прочёл молитву. Я не боялся — знал, что уже переступил черту. Либо двустороннее воспаление лёгких и смерть, либо бой со своей плотью с неочевидным финалом. Ни то ни другое уже не пугало.

На глубоком вдохе, закрыв глаза, я поднял ведро и вылил воду на макушку.

То, что произошло, больше всего было похоже на внезапное пробуждение. Представьте, что вы живёте внутри спокойного сна, не предвещающего сюжетной интриги, вы принимаете этот сон за единственную реальность. Тягучая инертность событий, предсказуемость их последствий — большое благо этого сонного мира.

И вдруг с вас бесцеремонно стаскивают одеяло, хватают за голень и сбрасывают с кровати. Вы в полном ошеломлении. Вырывая с корнем сросшиеся ресницы, разверзаются ваши веки, пелена сна ниспадает. Оказывается, вы вовсе не Мэрилин Монро, кокетливо придерживающая подол белого платья, а бездомный беззубый старик, нашедший в помойном баке недоёденный стейк. Бродячая собака пытается вырвать вашу добычу. Правой рукой прижимая мясо к засаленному паху брюк, левой вы в том же месте удерживаете вывалившийся слуховой аппарат, его потеря равносильна погружению на низлежащий уровень ада. Особый цинизм ситуации в том, что, пробуждаясь, вы находите себя со сведёнными, как у Монро, коленями, но в совершенно другой вселенной.

Вода ещё текла по моему желтушному телу, когда я, задохнувшись от обжигающего холода, открыл глаза. Остатки воды сливались с волос. Мой подбородок был опущен. С этого ракурса я увидел грудь, часть живота и ноги. Увидел и замер; думаю, даже перестал дышать. Моё тело было покрыто сетью светящихся линий синевато-серебристого цвета. Разные по толщине, они причудливо переплетались и образовывали узлы. По линиям с интервалами в десять — пятнадцать сантиметров двигались горящие разряды, более всего похожие на маленькие бенгальские огоньки; перемещаясь, огоньки разбрасывали вокруг себя облачка быстро угасающих искр.

Не веря глазам, я провёл ладонью по груди. Сразу увидел, что линии есть и на руках. Ещё заметил, что некоторые располагались не на поверхности, сразу под кожей, а немного заглублялись; при этом свечение приобретало зеленоватый оттенок.

Прикосновение и нажатие пальцами немного изменяло геометрию и цвет рисунка, но не стирало его деталей и не могло затормозить движение искр.

Грохот упавшего с края ванны пустого ведра на мгновение переключил моё внимание, но боковое зрение не потеряло контакта с телом. В момент падения ведра свечение начало тускнеть, а через две-три секунды совсем погасло.

Как сомнамбула, голый, я пошёл к зеркалу. Долго смотрел на себя, даже не пытаюсь найти объяснение тому, что произошло.

1988, июнь

Дорогу осилит идущий. Что скажем? Зависит от того, кто и зачем идёт по этой дороге.

Я пошёл, чтобы выжить и обрести свободу в собственном теле. Может быть, правильное сказать: свободу от гнёта и слабости плоти.

За три года, прошедших с первого ледяного обливания, многое изменилось, неизменным осталось только желание движения. Хотя бывали дни, когда надежда истончалась. Телесная оболочка не хотела исполнять понуканий воли. Как лошадь, загнанная непосильной работой, я падал и более не находил сил встать. Сердце едва стучало в вялую диафрагму. Душа проваливалась в промежуточное состояние между жизнью и смертью.

Предвидя такие кризисы, Василий Иванович оставил мне практический совет. Он состоял в том, чтобы всегда держать под рукой большую иглу; когда плоть будет пытаться сбросить с себя контроль воли, нужно было вогнать иглу в одну из чувствительных точек. Помогало. Даже зимой, когда нужно было встать из-под тёплого одеяла, голым и босым выйти на снег и, вылив воду, загнать себя туда, откуда нет отступления. Ты уже облился, ты мокрый. Работай! Дыши. Вращай энергетические оболочки. Воспроизводи в теле и телом причудливую геометрию космоса. Пой мантры. И, наконец, умолкай, растворяясь в великой всеобъемлющей тишине.

Всё начиналось с десяти минут. Через три года я занимался обнажённым при любой погоде столько, сколько было необходимо.

Кроме вечерних и утренних гимнастик были голодание, чистки, отказ от казавшихся суетными желаний. В моих анализах уже не распознавалась ни одна из прежних болячек. Африканская гостя иногда посещала меня, но наши отношения наполнились другим содержанием.

Постепенно я начал видеть ауру, сначала растений, а потом и всего живого. Не светящийся контур предметов, а настоящую ауру, более всего похожую на северное сияние. К третьему году получил неожиданный бонус — скачкообразное изменение качества интуиции. Какой алгоритм расчёта вероятностей выбрал мозг, оставалось тайной, но я заранее знал, как, например, выпадут ещё не брошенные кости.

Душа начала разглядывать и пробовать обильные плоды, взращённые на ниве аскезы.

Впрочем, ироничный разум далеко не всегда разделял приступы эйфории — часто декламировал мне одни и те же строчки:

«Дороги все приводят в Рим.
А сколько их — дорог!
И он всё шёл и шёл по ним,
Но в Рим попасть не мог.»

Эти строчки задевали меня, исподволь подтачивали мою веру в правильность происходящего. Не то чтобы я не попадал в Рим, нет! Как раз попадал, на старте даже особенно часто. Но каждый раз при ближайшем рассмотрении Рим оказывался подделкой, изменяющимся муляжом. Незатейливые декорации из папье-маше постепенно заменялись фанерой, потом — оштукатуренными брёвнами. На третьем году моих занятий по очередному Риму можно было даже с удовольствием гулять. Мостовые, мощённые базальтовыми валунами. Мозаики в двориках. На стенах домов каррарский мрамор. Фонтаны. Апельсиновые рощи. Буквально всё настоящее. В том-то и дело, что буквально. Обострившаяся интуиция ощущала ложь внешних форм, но время различения тонких нюансов ещё не настало.

Не зря заповедано: сначала душевное, потом духовное.

Что же душа? Душе было мало, она хотела всего и сразу. Она была младенцем, плебсом в империи духа. Требовала хлеба и зрелищ. Нужно отдать должное снисходительности и терпению ангелов: терпеливо, по каплям они подмешивали в мой детский рацион бесценные крохи духовных знаний, со всей возможной креативностью придумывали, чем бы позабавить дитя в очередные сутки его жизни.

Хочу рассказать об одной такой истории.

1988, июнь

Я очень хотел летать. В физическом теле. Всё, что можно было найти и прочитать о левитации, было найдено и прочитано. К ежедневным тренировкам был добавлен ещё один час, посвящённый обретению навыка полёта.

Шли месяцы. При наличии серьёзного продвижения в других областях, в левитации я потерпел полное фиаско.

Предполагаю, что моя младенческая проекция в духовном мире вопила день и ночь. Выплёвывала соску. Отказывалась есть. Так или иначе, я, видимо, достал всех, в том числе терпеливых ангелов.

Это произошло короткой июньской ночью прямо перед рассветом. Что-то разбудило меня и заставило проснуться. Я сразу заметил — комната неестественно освещена. Светился не сам воздух, он как бы подсвечивался невидимой подосновой. Цвет этого свечения был неоднороден. Перемежающиеся тёмно-розовые и светло-фиолетовые всполохи не просто сменяли друг друга, но и трансформировали линии спальни. Про себя я отметил полное отсутствие звуков и острое ощущение присутствия чего-то рядом. Тут же у себя в ногах я увидел стоящего человека, он был совершенно поразителен. Если бы не очевидная объёмность, определение «силуэт» было бы уместнее. Это была полупрозрачная оболочка, заполненная чем-то принципиально иным, чем воздух. Наполнение имело цвет тёмного зеркала. На человеке не было одежды. Бесспорно, это был мужчина, хотя не могу утверждать, что вторичные половые признаки были различимы.

Я пребывал в замешательстве, однако хорошо понимал, что передо мной не совсем человек. Вернее, совсем не человек. Но кто? Именно в момент размышления над этим вопросом черты его лица обозначились более чётко, стало ясно: у меня в ногах стою я сам. Интуитивно я уловил, что гость хочет убедиться, вместил ли я этот парадоксальный вывод.

Как только это случилось, фигура несколько приподнялась над полом и существо накрыло меня сверху, как бы совместившись со мной.

Я ощутил лёгкое распирающее и едва различимую внутреннюю вибрацию. Моё тело — правильнее сказать: то, что я продолжал считать собой, — резко приподнялось и зависло в горизонтальной плоскости параллельно кровати. Потом в той же плоскости повернулось ногами к окну.

Резко сорвавшись с места, оно прошло сквозь стекло. В момент пролёта окна я ощутил стекло как некое внутреннее движение или импульс, прошедший от ступней до макушки.

Полёт начался резким набором высоты. Недоумение вызывала поза: я продолжал лежать на спине и двигался ногами вперёд. Попытка изменить положение и обустроиться комфортнее была безуспешной. Стало понятно, что способность воспринимать окружающее у меня осталась, но за движение, видимо, отвечает кто-то другой. Подняв меня метров на пятьсот, мной описали большой полукруг радиусом около пяти километров.

Скорость полёта позволяла мне спокойно рассматривать ландшафт и постройки. Единственное неудобство заключалось в том, что в попытках рассмотреть что-то внизу мне приходилось поворачивать голову и как бы свешивать её то влево, то вправо. В эти моменты мне казалось, что я лечу, лёжа на узкой доске, и любое резкое или глубокое опускание головы свалит меня в крен или штопор. При этом мои кисти судорожно искали край несуществующей доски. Пальцы же, не упираясь в твёрдое, по инерции сжимались в кулак. Мне не хочется додумывать, в какой момент я сообразил, что полётом можно управлять движением пальцев, но это наконец случилось.

Изумление, ошеломлённость, неверие в происходящее сменились сложносочинённым букетом эйфории и торжества.

Выполнив петлю Нестерова и бочку, я оказался над собственным районом. В соседнем дворе, отделённом от моего дома длинной девятиэтажкой, стояла грузовая фура, вокруг которой суеилось три человека. Они пытались приподнять тяжёлый брезентовый полог, но ткань выскальзывала и, как занавес, перекрывала вход в кузов. «Принесите верёвку!» — крикнул старший и перешёл на незнакомый язык.

Выполнив разворот с набором высоты, я решил полететь к Останкинской телебашне, но в этот момент потерял управление. Моё тело как с горки соскользнуло вниз к дому, прошило мембрану окна и зависло над разобранной постелью. Описав две дуги со снижением, как будто падающий лист, я упал на кровать с приличной высоты.

То нечто, что было во мне, отделилось и повисло надо мной лицом вниз. Была полная иллюзия того, что я смотрю на себя в зеркало. Правда, в очень странное зеркало: оно не меняло лево и право. В считанные секунды воздух комнаты впитал моего двойника. Затем погасло и необычное свечение.

Я поднялся и посмотрел в окно. Близился рассвет. Высыпав в ведро для обливания весь намороженный за сутки лёд, я пошёл в соседний двор. Три кавказских парня выгружали из фуры ящики с огурцами и молодой картошкой. Угол брезентового тента был привязан к металлической перекладине прицепа обрывком верёвки.

Эйфория сменилась ощущением неотвратимого расставания с чудом. Его отблески, как огни уходящего поезда, были ещё зримы, но догнать последний вагон не было никакой возможности.

Через час, после завершения утренних упражнений, я возвращался в свой подъезд. Навстречу из кустов вышел заспанный бомж. На поводке он тащил шелудивого пса, безуспешно пытавшегося поднять ногу. Мы остановились в метре друг от друга. Бездомный с изумлением посмотрел на человека с пустым ведром и в плавках и вдруг спросил: «Ну и как?» Я пожал плечами и, в силу привычки, ответил: «Ничего». Набрякшие веки моего собеседника дрогнули, приоткрыв яркие зеленоватые глаза. С трудом приподняв голову, он посмотрел на небо, потом на мои босые ступни, переложил собачий поводок из правой руки в левую, криво улыбнулся, обнажив чёрные зубы, и, ткнув в меня тёмным заскорузлым ногтем, сказал: «В том-то и дело, что ничего! Понимаешь?»

Я пропустил момент, когда он обошёл меня. Повернувшись вслед, увидел колтуны на нестриженной голове. К спине его непромокаемой куртки был пришит большой карман из мешковины, оттуда выглядывала верхняя часть глянцевого журнала. На обложке ясно прочитывался чей-то рекламный слоган: «Совершайте открытия!»

Я понял: и встреча, и надпись предназначались мне. Но какой смысл я должен был вынести из этого призыва? Какой вывод должен сделать из двух взаимосвязанных событий — полёта и реплик бездомного человека? Что настоящий полёт — это вовсе не полёт в физическом теле? Или что для материальных тел есть другие способы передвижения по воздуху? Возможно, что «совершение открытий» и есть квинтэссенция полёта души?

Желание сбылось, но я почувствовал себя человеком, взявшим кредит. Чтобы рассчитаться по нему, мне придётся работать больше прежнего.

1994, апрель

Вернёмся в промозглый весенний Питер. Мы едем из аэропорта с симпатичным чиновником мэрии. Из-за внезапного приступа моей африканской болезни мне необходимы капельница и десять минут покоя. Обычно этого достаточно. Но Владимир настаивает: у него есть фантастический специалист, он живёт по дороге, снимет мою хворь за десять минут.

Дождь вернулся. Московский проспект больше похож на один из многочисленных городских каналов. Пересиливая тошноту, шучу: «Где будем швартоваться? Есть ли в багажнике кранцы?» Солидный молчаливый водитель впервые за поездку подаёт голос: «Не дрейфь! Для нас свободный кнехт всегда найдётся».

Мы всплыли в обычный питерский двор; поребрик, будто волнорез, отразил поднятую машиной волну. Когда Владимир потянул на себя обклеенную разноцветными объявлениями дверь подъезда, у меня было полное ощущение, что в сумраке холла нас ожидают портовые таможенники.

Лифт скрипел и отвратительно пах. На месте разбитого зеркала — надпись: «Опускаю бесплатно».

Остановившись на восьмом этаже, кабина лифта некоторое время раскачивалась; наконец, преодолев инерцию движения, распахнула створки. Мой гид вышел первым. Но не нажал кнопку звонка, а одёрнул плащ и поправил волосы. Повернулся, посмотрел на меня, как бы приглашая присоединиться, и только потом позвонил.

Дверь открыл мужчина лет сорока пяти, он был похож на хиппи и православного священника одновременно. Борода и волосы были растрёпаны, на босых ногах — не очень подходившие к сезону пляжные тапочки. Аура человека была, как мне показалось, совершенно обычной, с преобладанием жёлтого и зелёного цветов. Цвета глаз я не рассмотрел из-за свешивавшихся волос. Отступив вглубь коридора, хозяин квартиры спросил у вошедшего первым Владимира: «А где же обещанная бутылка?» Рассмеявшись, протянул руку. Достаточно долго подслеповато разглядывал меня, затем представился: «Евгений Поляков».

Некоторое время мы теснились в маленькой кухне, но уяснив суть проблемы, хозяин пригласил меня в единственную комнату его квартиры. Владимир остался хозяйничать у плиты.

То место, куда мы вошли, меньше всего походило на жилую комнату, это можно было назвать фонотекой, музеем современной музыки, студией звукозаписи или чем-то в этом роде. Все стены комнаты были покрыты стеллажами с винилом, CD, магнитофонными и видеокассетами.

Единственным местом, свободным от аппаратуры и стеллажей, был небольшой диван, видимо раскладывающийся на ночь. Евгений попросил меня сесть, снять носки и, вытащив из-за кули проволочную маленькую скамеечку, уселся напротив.

Передо мной сидел человек-целитель. Наблюдая ауру, я давно выделил этот тип людей. В насыщенно-жёлтом объёме их ауры проявляются и угасают проблески зелёного цвета. У особенно одарённых или развивших в себе эту способность из пятен вырываются зелёные протуберанцы. В процессе лечения небольшие сгустки этой зелёной плазмы иногда отрываются от целителя и как бы перетекают к пациенту вдоль невидимых линий.

Я до сих пор сожалею, что тогда не присмотрелся к Евгению пристальнее. Найдя необходимую клеточку, мой разум классифицировал человека и больше не обращал внимания на избыточные по его мнению детали.

Возможно, всё было не совсем так. Манипуляции, которые выполнял Евгений с точками на стопе, были весьма болезненны, все мои силы были направлены на соблюдение приличий — не орать же в голос от каждого нового нажатия. Думаю, целитель хорошо знал об ощущениях своих подопечных. Он проявлял милосердие, давал перевести дух. В одну из таких передышек

я увидел, как светится его горловая чakra. Сначала увидел и зафиксировал свечение чакры и лишь потом понял, что он постоянно говорит со мной.

В момент, когда мне удалось переключить внимание с боли на его слова, Евгений спросил: «Вы читали Библию?» Мне не понадобилось времени для размышления — Библии я не читал и даже никогда не держал в руках. Покачив головой и нажав на что-то невыносимо болезненное, Евгений сказал: «С этим разобрались!» Потом некоторое время просидел на своей скамеечке молча, глядя в пол; сделал глубокий вдох, хлопнул в ладоши и сказал: «Вы будете читать Библию, и мы с вами ещё встретимся».

Когда я с Владимиром вернулся в машину, боль прошла. Дождя уже не было. При свежем западном ветре небо очистилось, явило все признаки северной весны. Я решил отказаться от капельницы в пользу небольшой прогулки. Думалось хорошо, предстоящее выступление оформилось в систему понятных и легко иллюстрируемых тезисов. К началу совещания я забыл об утренней встрече, как забывают о плановом визите к стоматологу.

Любое мероприятие с участием большого количества начальников, тем более совещание под руководством главного босса, скорее походит на религиозный ритуал, чем на групповое усилие заинтересованных в результате специалистов: правильно и вовремя попасться на глаза первому лицу, пожать руки нужным и ловко уклониться от встреч с опальными, подать своевременную реплику или едва заметным покачиванием головы, так чтобы заметили другие, выразить согласие с докладчиком. Аппаратная наука универсальна, что в Пекине, что в Вашингтоне, что в Питере.

Итак, всё шло по накатанным рельсам. Перемешивая анекдоты о рыночной экономике с теорией биржевых операций, я в общих чертах обрисовал предлагаемые перемены. Начальники департаментов и управлений, выслушав арию московского гостя, поощрительно аплодировали и даже задали несколько вполне разумных вопросов. Мэр через референта пригласил на вечерний фуршет. В перерыве Владимир представлял меня своим коллегам. По контексту реплик было ясно, что моё выступление понравилось; видимо, я получу заказ на разработку стратегии развития топливного сегмента городского хозяйства и при желании смогу возглавить практическую реализацию проекта.

Я уже прикидывал, кого пригласить в будущую команду, когда странное ощущение необходимости немедленно покинуть город безжалостно свалилось на меня из ниоткуда, нахлынуло и пересилило все доводы рассудка. Владимир обескураженно доказывал абсурдность отказа от личной встречи с мэром, соблазнял культурной программой, даже ссылаясь на циклон и нелётную погоду.

Мы не договорились. Нечто внутри понуждало выехать в аэропорт как можно быстрее. Через час я уже входил в салон самолёта, даже не пытаясь найти своему поступку разумное объяснение.

2002, декабрь

Иногда жизнь возвращает нас к событиям важным, но своевременно не осмысленным, непонятым нами не из лени и косности, а потерянным в ежедневной суете или не принятым к анализу из-за недостатка информации.

Через восемь лет после моего внезапного бегства от блестящих питерских перспектив я прилетел в Санкт-Петербург уже как представитель наиболее успешной нефтяной компании страны. Приехал для переговоров о покупке крупнейшей сети городских заправок. Помощники, готовившие для меня информационные материалы, особое внимание обращали на юридическую спорность предлагаемых к покупке активов и весьма сомнительную с точки зрения закона репутацию бизнесмена, с которым придётся сесть за стол переговоров. Зачитывая выдержки из биографии этого впоследствии признанного опасным преступником человека, юрист почему-то понижал голос и менялся в лице. Пришлось ответить, что таких, как я, вошедших в бизнес в конце восьмидесятых годов, более напрягает стерильная чистота бизнес-предложений, нежели умеренная грязь. Обеспечение абсолютной чистоты требует выжигания всего живого; это относится и к стерильности операционных боксов, и к бизнесу, и к политике.

Командировка не принесла практического результата. Не потому, что ценовые ожидания сторон разошлись, — это была формальная канва события. Просидев за столом друг напротив друга около пяти часов, мы уже через десять минут после начала разговора знали: то, что хотела купить дерзкая и успешная московская команда, не продаётся. В чём же был интерес пригласившего меня на встречу ночного хозяина Санкт-Петербурга? Возможно, уже тогда питерский мозговой центр присматривался к крупным игрокам нефтяного рынка и не спеша изучал их повадки.

В финале встречи мой, легендарный теперь, собеседник поправил пустой рукав пиджака и спросил: «Ты помнишь своё выступление в мэрии?» Услышав утвердительный ответ, он встал, поправил очки и, как бы нависнув над разделявшим нас столом, сказал: «Идея была правильная, но тогда несвоевременная. Она мешала нашим планам. Правильно сделал, что уехал, — тебя бы убили в тот же вечер».

1994, апрель

Рейс «Пулково — Шереметьево» приземлился около девяти вечера. Весь полёт меня терзало беспокойство, преждевременный отлёт представлялся какой-то чудовищной уступкой нелепой прихоти. Особую ярость вызывало то, что я не мог идентифицировать ни силу, заставившую меня действовать, ни причину, по которой я этой силе поддался. В описываемое время мои душевные рецепторы почти всегда предвосхищали грядущие события, заранее раскладывали на простые гармоникки линии причинно-следственных связей. Но сейчас рецепторы молчали.

Поздоровавшись с водителем и сев на заднее сиденье, я отключился от текучки и задумался; не сразу заметил, что машина стоит. Водитель сказал, что мы стоим уже полчаса и что он трижды спрашивал, куда ехать, но я не ответил. Возможно, это было правдой. Я напряжённо размышлял о феномене своей душевной бифуркации, силясь понять, какие мысли, поступки или бездействие забросили меня в эту непрозрачную для интуиции зону. Снова в мельчайших деталях пытался воспроизвести события минувшего дня. Бесполезно! Понимания не наступало.

Опустив стекло, я глубоко вдохнул прохладный, пахнущий нарождающийся весной воздух и... не смог выдохнуть.

Интенсивная боль охватила тело ниже диафрагмы кольцом. Это не была африканская гостья, это было что-то другое.

Я удивил водителя, заявив: «Мы не поедem домой, мы поедem в Склиф. Пожалуйста, быстрее, очень больно!»

Плохо помню дорогу и ожидание в приёмном отделении Института скорой помощи имени Склифосовского. Дежурный врач, выслушав меня, пару раз ударил ребром ладони в спину. Поинтересовавшись моими ощущениями, сказал: «Это почечная колика. Ты рожаете камень. Но-шпа тебе вряд ли поможет, а баралгина и наркотиков у нас нет. Давай домой, прими горячую ванну, выпей побольше пива и жди, когда природа сама очистит твои почки». На мои просьбы и посулы заплатить в частном порядке скорбно ответил: «И так бы помог, а за деньги — с большим удовольствием, но лекарств нет вообще, государственная медицина погибла вместе с государством. Из дома звони в скорую — может быть, у них есть обезболивающие; говорят, они получили фуру гуманитарной помощи. Но особо не надейся. Терпи!»

Скороговоркой вслед уходящему доктору я почти кричал: «Мне нельзя горячую ванну и алкоголь!» Доктор остановился, сочувственно покачал головой и сказал: «Значит, терпеть придётся вдвойне».

Домой я приехал ближе к полуночи. Врачи вызванных скорых не могли предложить ничего, кроме укола но-шпы.

Приступы боли не прекращались. Не желая пугать близких, я попросил оставить меня в комнате одного. На коленях и локтях медленно ползал по кругу. В перерывах между спазмами лежал на полу в позе эмбриона. Боль отпускала на минуту-другую, а затем возвращалась с прежней интенсивностью.

У моряков есть поговорка о затяжном шторме: в начале шторма ты молишь Бога, чтобы не дал умереть, а через сутки ты уже с ужасом думаешь, что никогда не умрёшь. К часу ночи, продолжая круговое движение, я начал опасаться того же.

Именно в этот момент заметил — конечно, умозрительно, — что вокруг моей головы на высоте лба прочерчена широкая линия, по которой, как в бегущей телевизионной строке, движутся слова, написанные горящими буквами.

В первые минуты я не придавал этому особого значения. На службе нас готовили терпеть боль, в том числе рассказывали о феномене изменённого сознания. Я подумал, что нервная система отрабатывает какую-то защитную программу, пытаюсь переключить моё внимание с боли на что-то другое. Слова двигались быстро, и мне не удавалось сконцентрироваться на них из-за спазмов; когда же боль затихала, я не находил сил для чтения. Периодически в сознании всплывали слова доктора: «Значит, терпеть придётся вдвойне».

Ближе к трём ночи в голову пришла простая мысль: «А может, попытаться прочесть бегущую строку?» Думаю, что чтение послания заняло около получаса. Фраза была длинной, внимание не успевало сопровождать быстро движущиеся слова, и я не мог разобрать их полностью. Кроме того, часть уже разобранных слов стиралась очередным болевым шоком. Не мытьём, так катаньем я всё же прочитал надпись до конца: «Пять птиц небесных продаются за два ассария, а у вас и волосы на голове посчитаны».

Прочитав, подумал, что сошёл с ума от боли. Прошло несколько лет, пока я не понял всю глубину явленной мне мудрости и символичность моей мысли о безумии.

Около четырёх утра очередная бригада скорой помощи, обнаружив, что я мочусь кровью, умилилась и увезла меня в Институт Вишневского — там были врачи и морфий.

С Ольгой Михайловной Несук, дежурным врачом, принявшей меня в ту ночь, мы дружим до сих пор.

К десяти утра, когда я проснулся после укола морфия, стало понятно, что проблема исчерпана, камень вышел.

Как только плотская сторона проблемы отошла на второй план, я вернулся к размышлениям о значении произошедшего за последние сутки. Фраза о пяти небесных птицах и двух ассариях уже не крутилась вокруг моей головы, но осталась записанной на сердце. Я принял эти слова за историческую или религиозную цитату. И конечно, я вспомнил, что сутки назад человек, выглядевший как хиппи и священник одновременно, спрашивал меня о том, читал ли я Библию.

Но вдруг это не библейские строчки? Древняя притча или просто отрывок из истории Геродота, вынесенный из закоулков памяти гормонами стресса?

Библия, мне нужна Библия!

На следующий день жена принесла мне Евангелие на церковнославянском языке. Через пять минут я нашёл и прочитал: «Но и власи главы вашея вси изочтени суть».

И далее, сразу за словами, что были явлены мне ночью: «Сказываю же вам: всякого, кто исповедает Меня пред человеками, и Сын Человеческий исповедает пред Ангелами Божиими...»

Стало ясно: нужно возвращаться в Питер.

Я не предупреждал Евгения о прилёте. Сел в такси и приехал по адресу, который нашёл в своём ежедневнике. Записал ли я его в день нашей первой встречи или получил от познакомившего нас Владимира — уже не помню. Помню только, как снова тяжело стартовал и долго раскачивался на нужном этаже старый лифт.

Евгений открыл не сразу. Стоя у двери, я слышал, как убавили громкость музыки, потом некоторое время возились с замком. Дверь приоткрылась. В щель просунулась нога в тапочке, нога использовалась как рычаг. В одной руке хозяин квартиры держал стакан с напитком, в другой — бутылку. Но не это поразило меня: на его ауре, в районе солнечного сплетения, сиял золотой треугольник. К моменту встречи с Поляковым я видел тысячи человеческих аур, как правило различавшихся в незначительных деталях. Ничего подобного я не видел ни до нашей встречи, ни потом.

Посмотрев сначала на свою руку с бутылкой, потом на стакан, Евгений улыбнулся и, пропуская меня внутрь, сказал: «Я знал, что ты приедешь». Не в силах оторвать взгляд от тре-

угольника на ауре, я не поддерживал разговор, а боролся с желанием прикоснуться к мерцающему чуду.

Проследив мой взгляд, Евгений соотнёс его с бутылкой и стаканом. Продолжая улыбаться, спросил: «Тебя это смущает?» Я ответил: «Очень удивляет!» — и ни на йоту не покривил душой. Поляков принял реплику как оценку спиртного: «Да, такого виски в Питере не купишь. Друг привёз из Америки». Подняв бутылку на уровень глаз, начал вслух читать этикетку. Пока я раздевался, хозяин гремел на кухне тарелками, видимо, перемещая посуду со стола в раковину, потом позвал пить чай. Мы сели за стол. Вокруг Евгения светилась обычная, характерная для целителей жёлто-зелёная аура; треугольник исчез.

Наше общение, равно можно сказать: моё обучение, началось сразу. За чаем я рассказал о рождённом камне, о надписи и огненных словах. Сказал о том, что я не понимаю смысла этого послания. О странном, не оставляющем меня предчувствии больших и болезненных перемен. Он внимательно слушал. Достал Библию, нашёл обсуждавшийся отрывок из Евангелия от Луки и прочитал вслух. Засунул в рот и пожевал кончик уса. Разом став серьёзным, объявил, что мы должны перейти в комнату, посадил меня на диван и попросил снять носки. Я поинтересовался: предстоит очередной сеанс акупунктуры?

Евгений не ответил. Ушёл в ванную комнату, вернулся с уже знакомой мне скамеечкой и мокрым полотенцем, по очереди вытер мои босые ноги. Я попытался сказать, что мог бы ополоснуть их под душем. Он ответил странной репликой: «Когда я не понимаю духовного смысла закона, стараюсь соблюдать заповедь по букве».

Некоторое время мы сидели молча. Я не понял смысла ритуала и значения реплики, он не спешил с пояснениями.

Потом, видимо переключившись с одной мысли на другую, спросил, назвав меня по имени-отчеству: «Вы понимаете, что это на всю жизнь?» Помолчав некоторое время, попросил надеть носки. Сходил на кухню, вернулся с бутылкой и стаканом, то и другое поставил на полку с магнитофонными кассетами. Сделал несколько шагов, одновременно разминая кисти и похрустывая пальцами. Заговорил, как мог бы начать университетский профессор: «Будем считать, что в истоке любой религии лежит явление пророка или учителя...»

1978, сентябрь

На вводную лекцию по физике питерского Политеха собрались первокурсники, принятые на специальность «ядерная физика».

Амфитеатр старой аудитории сохранил дубовые столы и скамьи XIX века. В центре — громадный, как портал здания, блок движущихся досок. Оживлённый шум. Около пятидесяти человек рассаживаются поближе к кафедре. Начало через десять минут.

Десятки мальчишек — все умницы. Все уже знают о жестокой статистике научного успеха, но даже и не думают примеривать на себя куцые костюмы рядовых научных сотрудников. Игнорируют высокую вероятность пожизненного срока в выставках лабораторий и общежитиях северных полигонов. Хотя мальчишки знают, что на вершины поднимутся единицы, каждый уверен: печальная статистика — это про других.

В передней стене аудитории беззвучно открылась дубовая дверь, вошёл лысеющий рыхлый мужчина. Посмотрел на громадные чистые доски, достал из фанерного ящика несколько кусков мела, разложил их в разных местах у основания досок. Отойдя на несколько метров, осмотрелся и, вернувшись, передвинул правый мелок на тридцать сантиметров правее. Сказал: «За два часа я попытаюсь рассказать вам, где сегодня проходит передний край современной физики». Сместившись к левой доске, начал писать. Только уравнения, только математические символы — всё то, что нам предстоит понять в ближайшие пять лет. Если бы профессор начал говорить по-китайски или писать арабской вязью, мы бы поняли ровно столько же, то есть — ничего.

Барионная асимметрия Вселенной. Нейтринные осцилляции. Статистики Ферми — Дирака и Бозе — Эйнштейна. Теорема Нётер. Только названия и уравнения. Иногда, как величайшая уступка притихшим прозелитам, несколько слов: «Чистое состояние системы описывается ненулевыми векторами ψ комплексного сепарабельного гильбертова пространства $\mathcal{H}$...»

Через два часа все доски были исписаны, заранее приготовленные мелки полностью стёрты. Профессор остановился, прошёлся вдоль своего конспекта, извинился и поправил в одном месте итоговую формулу. Потом взял стоявший у стены стул, поставил его в центре амфитеатра, опёрся руками на спинку и спросил: «Вопросы?»

Никто не задал ни одного вопроса. Выпускники физико-математических школ и медалисты, мы были подавлены собственным неведением. В неестественной тишине человек, за два часа превратившийся из неприметного дядьки в демиурга, сказал: «Вы выбрали науку. С этого дня она ваш единственный, совершенный и грозный бог. Посмотрите ещё раз на эти доски, запомните свою растерянность. Когда вы выучите и, возможно, поймёте всё, что на них написано, — не надмевайтесь: неизвестного и непонятого всё равно останется неизмеримо больше».

1994, апрель

После разговора с Поляковым я возвращаюсь в Москву. Устроившись у иллюминатора, не отрываясь гляжу на облака и луну. Неожиданно вспоминаю давнюю вводную лекцию по физике. Вернулось ощущение ничтожности собственных знаний.

Что такое одинокий разум перед беспредельностью сущего? Ведает ли оно, беспредельное, обо мне, о моих желаниях и делах? Или чувствует примерно то же, что ощущает человек, когда растирает песчинку между подушечками большого и указательного пальцев? Можем ли мы через нашу малую веру обрести всю полноту истины?

В Евангелии написано, что Царствие Божие берётся силой. Но древнегреческое «динамис» переводится не только как «сила», но и как «суть». Значит ли это, что постижением смысла преодолевается бездна между человеком и Богом? Если так, то привычка учиться новому, глубоко укоренённая во мне с детства, видимо, пригодится при постижении духовных истин.

Самолёт подрагивает. Я смотрю в иллюминатор на темнеющее небо с голубоватой ранней луной. Вслушиваюсь в себя. Душа поверила, она безмятежна. Ведь ей заповедано: «Не бойтесь: вы дороже многих малых птиц... наипаче ищите Царствия Божия» (Лк 12:7, 31) и, значит, теперь моё главное дело — искать Царствия Божия. Но где и как?

Да что же это такое? Летим уже час, а луна будто привязана к крылу — совсем не сдвинулась с места. Может, это и не луна вовсе, а какой-то метафизический знак? Впрочем, вряд ли тогда я подумал бы о чём-то подобном — я ещё не сформулировал для себя модель мироздания, в которой существуют декорации, воспитатели, учителя, знаки и законы.

О духовном законе и о том, что происходит, когда его нарушаешь, я узнал довольно скоро. Но перед этим произошло два любопытных события.

1995, март

Это случилось в самом начале месяца. Весна ещё толком не проснулась. Моргала заспанными глазёнками, сладко потягивалась, не спешила сбросить белое одеяло: зябко!

Кому зябко, а кому и холодно. Живём в подмосковной деревеньке, за водой для обливания хожу к колодцу. Форма одежды: трусы на босу ногу.

Утро; пасмурно, но дождя нет. Сруб колодца покрыт росой. Прямо на ручке ворота сидит старая ворона. Ручка ворота отполированная, скользкая; с чего бы вороне не сидеть на срубе или на дырявой крыше? Между нами не более трёх метров. Аура у птицы цвета электрик, и тоненькие, похожие на бороду, светящиеся ниточки под клювом. Замираю: нас посетил вороный Иезекииль? Продолжаю наблюдать. Под ногами тает подмёрзшая за ночь грязь. Ворона смотрит и не улетает. Делаю шаг, второй. Подхожу вплотную. Ворона с явной неохотой перемещается с ворота на колодезный барабан. Понятно: предстоит аттракцион. Вращаю ворот, птица бежит по барабану, подпрыгивая и помогая себе крыльями. Вроде бы безобидная забава, но интуиция беспокойна: старая, тяжёлая птица прилетела не за этим. Чего ей надо? Пока нёс воду, ворона перелетела и села на берёзу в углу двора.

Я стараюсь не замечать холода, но сегодня это требует дополнительных усилий: снег растаял, и земля, как щенок, лижет мои ноги промёрзшим языком. Низкая сплошная облачность закрывает солнце, но я всё равно чувствую его положение. Ворона выбрала нижнюю ветку и замерла.

Начинаю с молитвы. Ведро с водой между чуть раздвинутых ног. Глубоко вдыхаю. Стояню выдох через подошвы ступней в землю. Обливаюсь. Окружающее начинает потихоньку терять очертания. Тело продолжает дышать и перемещаться в сложном комплексе движений. Время замедляет темп. Медленный вдох. Я исчезаю на последней фазе выдоха...

Открываю глаза. Никогда не знаешь, сколько прошло времени. В пространстве медленно прорисовываются контуры причудливых предметов. Начинаю понимать: это образ моего двора, но в иной мерности. Нужно втиснуться в собственное тело. Оно похоже на родной, но выставший на морозе дом; придётся греть. Потом можно посмотреть наружу через окно. Веки открываются, но изображение обретает чёткость с отсрочкой.

Сегодня картинка сразу цветная, так бывает не всегда. И — сюрприз! Пошёл достаточно сильный дождь. Дodelываю работу. Додышал. Поблагодарил. Наконец, осмотрелся. Дом, деревья, ведро; где ворона? Поворачиваюсь и осекаюсь: стоп! Что не так? Не могу понять. Двор — мой. Солнца не видно, но, судя по освещённости, всё ещё утро. Совсем не чувствую холода? Но я никогда его не чувствую в конце занятий. Начинаю улавливать причину тревоги: не стыкуются зрительная картинка и тактильные ощущения. Идёт сильный дождь, а я не ощущаю ударов капель. Вот оно что! Протягиваю руку с открытой ладонью. Капли пробивают её насквозь. В полном изумлении осматриваюсь. Закрываю и открываю глаза. Смотрю на стену дома, вдаль. Ничего не меняется. Идёт дождь.

Нет, это не капли. Что-то очень похожее, но не дождь. Всматриваюсь, меняю фокус. Да, различия есть: капли не летят по непрерывной траектории сверху до земли, а как бы появляются из ниоткуда, пролетают несколько десятков сантиметров и исчезают. Картинка динамичная. Капель много. Поэтому при рассеянном взгляде иллюзия дождя абсолютная. И ещё: капли немного, совсем немного, но светятся и по мере движения увеличиваются в объёме. Землю поливает невероятный серебряный дождь! Что это?

Зрелище завораживающее. Стою голый на мартовской промёрзшей земле, но не ощущаю ни холода, ни хода времени. Начинаю улавливать, что поток неравномерен. Закон, по которому живёт этот лучащийся ливень, безусловно существует, его гармонию ощущаешь с первых секунд сопричастности. Но понять, в чём его суть, сразу невозможно. Так происходит

при встрече с великой музыкой, архитектурой, гениальной драматургией. Выпадаешь из мира, растворяешься. Не думаешь: как это сделано? Хочешь только одного — подольше оставаться внутри чуда.

Я понял, что светящийся дождь находится где-то у самой границы моего восприятия, поэтому когда настройки зрения переключались на более грубые, капли исчезали.

В этом не было ничего тревожного. Когда человек только начинает учиться смотреть на ауру, его восприятие так же неустойчиво. Каждое моргание приводит к потере концентрации, и ты вынужден снова и снова настраиваться, чтобы вернуться к полной картинке, совмещающей тело и излучение. Лучше тренироваться на растениях, особенно на цветущих. Животные и люди ярче, но наблюдение за ними сложнее, не говоря о том, что это дело небезобидное и требует определённой осторожности. На некоторых аурах я бы вывешивал табличку: «Не влезай, убьёт!» Впрочем, если ты учишься опытным путём, то идентифицируешь ошибки постфактум, одновременно зализывая и перевязывая раны.

Вернёмся в март 1995-го. Ровно так, как когда-то я учился совмещать воедино внешнюю форму объекта и его ауру, и при наблюдении серебряного дождя пришлось нарабатывать навык, не разбивая окружающее на части.

Несколько дней я просто смотрел. Даже на рабочих совещаниях раз от раза поглядывал в окно; дождь не переставал. Впрочем, перемены были. Более всего бросались в глаза изменения интенсивности потока и разные размеры капель. В то утро, когда я впервые увидел явление, оно походило на ливень с большими яркими каплями. Потом случались дни, когда дождик был редким, с едва различимыми траекториями капель.

Для наблюдения за действием серебряного дождя на живые существа более всего подходил ливень. Эффект я уловил ещё в первый день, когда с удивлением обнаружил, что взаимодействуя с аурой вороны, капли как бы увеличивают её светимость. Не во всём объёме ауры одинаково, наиболее откликалась светящаяся борода под клювом.

Ни сразу, ни потом я не смог различить никакого взаимодействия дождя с растениями. Предполагаю, что оно существует, но осталось за пределом моей чувствительности.

Что касается людей, всё было значительно сложнее. Я обнаружил, что люди, вне зависимости от пола, возраста и рода занятий, количественно делятся на две группы в пропорции три четверти и одна четверть. Ауры первой группы при взаимодействии со светящимся дождём никак не изменялись, эта группа ничем не отличалась от растений; возможно, я просто не смог рассмотреть тонких нюансов. Что касается оставшейся четверти, то светимость их аур увеличивалась в период ливней и падала при уменьшении интенсивности потока. Более того, у некоторых людей при наиболее обильных дождях на ауре можно было различить узоры или знаки; таких людей было совсем немного. Каждая встреча с таким человеком вызывала во мне чрезвычайный отклик. Не знаю, что испытывал такой человек, когда я смотрел на знаки его ауры, но мои ощущения более всего походили на то, что чувствуешь, находясь вблизи большого звучащего колокола. Всё зависело от знака и его яркости.

До того, как в моей жизни появился серебряный дождь, знаки на ауре человека я видел только три раза. Вторым был золотой треугольник на груди у Евгения Полякова. О паре других, хронологически более раннем и более позднем, я расскажу вам прямо сейчас.

1994, март

Это была неожиданная просьба от руководителя крупной государственной компании. Он попросил меня слетать в США и в неформальной обстановке обсудить с его американским коллегой господином Темпельсманом несколько вопросов, имеющих отношение к взаимодействию на мировом рынке.

Не могу точно сказать, какие резоны принимались в расчёт при выборе моей кандидатуры. Мне же поездка представлялась необременительной и интересной. Алмазная индустрия всегда была покрыта флёром значительности и таинственности. Без особых колебаний я согласился.

Маленькие приятные бонусы последовали немедленно: через час позвонили из американского посольства в Москве, и уже к вечеру в моём паспорте появилась многолетняя въездная виза.

В Нью-Йорке я жил в президентском номере отеля Astoria. К номеру прилагались лимузин и персональный помощник со знанием пяти языков. До встречи оставалось два дня, я провёл их в музее Метрополитен и в прогулках среди небоскрёбов. Предстоящая встреча не вызвала беспокойства; по крайней мере, перечень инструкций, полученных мной, подразумевал значительную вариативность сюжетов. Уровень внимания и комфорта, которые выказала принимающая сторона, свидетельствовал о больших надеждах на взаимное понимание. Вечером накануне встречи я начал готовиться к предстоящему событию.

Точно не знаю, как у фигуристов называется дисциплина, где они должны рисовать на льду геометрические фигуры, но весь вечер я, как фигурист, рисовал в воображении узоры грядущей встречи. Я прорабатывал варианты со всей возможной тщательностью, но интуиция подсказывала, что это бесполезная трата времени.

Местом встречи был выбран не корпоративный офис, а личные апартаменты владельца бизнеса. Пожилой, но подвижный и энергичный хозяин отпустил сопровождающего меня референта и пригласил даму лет пятидесяти. Она говорила на русском языке начала XX века, её язык был полон французских заимствований — к примеру, предлагая напитки, она называла апельсиновый сок оранжадом. Мы расположились в большой комнате с прямоугольным столом. Комнату можно было принять и за небольшую переговорную, и за аскетично обставленную столовую. О деле говорили примерно два часа. Дама переводила и одновременно стенографировала важные моменты дискуссии.

Мой собеседник, безусловно, был неординарным человеком. Глаза, манера говорить и двигаться создавали вокруг него несколько оболочек: оболочку дистанции, пространство его взгляда, пространство движений. Уже с первых минут было понятно, что эрудиция этого человека простирается от академических дисциплин до практического опыта самого экзотического характера. Вместе с тем в нём не чувствовалось высокомерия.

Он с улыбкой встретил моё сообщение о том, что я дилетант в его бизнесе, просто говорящая почтовая открытка. С интересом выслушал приведённое мной подобие из романа «Гиперболоид инженера Гарина», где сообщение особой важности было написано на спине мальчишки, пешком пробиравшегося от Тихого океана до революционного Петрограда через охваченную гражданской войной страну. Мой собеседник задал несколько вопросов о сюжете и героях романа, попросил свою помощницу достать книгу в переводе.

В ходе дальнейшего разговора он акцентировал моё внимание на сути предложений его компании и доброжелательно разъяснил непонятные мне нюансы.

Довольно быстро я понял причину, по которой мой старший московский коллега остановил свой выбор на мне: искреннее любопытство ко всему новому и отсутствие пиетета перед

лидером незнакомой индустрии позволили мне спросить и, что более важно, получить ответы на такие вопросы, которые были бы неуместны со стороны профессионала.

Наш разговор подходил к концу, и в это время произошло то, ради чего я рассказываю эту историю.

Нужно сказать, что в ходе нашего общения я не улавливал никаких посторонних звуков. Казалось, что в помещении больше никого не было. Вдруг, видимо неожиданно для всех, дверь в нашу комнату приоткрылась. Обернувшись, я увидел женщину субтильного сложения в платье бежевого цвета. Она что-то очень тихо сказала. Я не уловил точную фразу, но контекст был понятен: женщина была удивлена, обнаружив нас в этой комнате. По тому, как вскочила и замерла секретарь, по жестам и интонациям хозяина было очевидно, что удивление обоюдное и позитивно. Я был представлен; женщина, не двинувшись с места, кивнула с едва заметной улыбкой.

Именно в этот момент у меня само собой включилось тонкое восприятие, я увидел ауру женщины. В районе груди и живота вращалось полупрозрачное синее колесо. Когда я писал про звук колокола при созерцании некоторых аур, это не было фигурой речи. То, что я ощутил, более всего походило на взрыв в закрытом пространстве. Контакт захватил меня необычностью картины. Я увидел, как колесо, вращаясь, вытягивает из женщины тонкую, еле видимую нить, нить её жизни. Интуитивно я понял, что светящийся обод колеса — сублимация её жизни. И что как только источник нити, находящийся внутри женского тела, иссякнет, колесо оторвётся от ауры. Мне стало тяжело дышать. В это время господин Темпельсман подошёл к госте, поцеловал её в щёку, взял под руку и увёл из комнаты.

Внутренние вибрации, вызванные наблюдением светящегося колеса, не прекращались. Сердечный ритм ускорился и не унимался. Захотелось немедленно открыть окно. В это время мой собеседник вернулся. Посмотрев на меня удивлённо, спросил: «Что с вами? Что-то с сердцем?» Не контролируя себя, я сказал по-английски, ни к кому не обращаясь: «Женщина умирает. Она умрёт очень скоро».

Воздух в комнате превратился в цемент; казалось, что все лишены возможности двигаться. После немыслимо долгой паузы мой собеседник, как бы вернувшись из другого мира, спросил: «Как тебя зовут? Прости, я забыл твоё имя». Я ответил. Повернувшись к своей помощнице, он попросил принести горячего чая. Когда дама вышла, хозяин дома сказал: «Это моя любимая женщина, и она действительно умирает. Откуда ты узнал это?» Я ответил, что мой английский не позволяет говорить на такие сложные темы. Господин Темпельсман заметил, что его помощница — почти член семьи, и я могу говорить всё, что считаю необходимым, однако он настаивает на объяснении. От искренности моего ответа будет зависеть сама возможность дальнейшего общения. Секретарь принесла чай; она была высокопрофессиональна, опытна, сдержана, но даже через эту оболочку самоконтроля проступали признаки смятения.

Ситуация была неординарной. Я рассказал хозяину о себе. О том, когда и при каких обстоятельствах начал видеть мир несколько иначе. О том, что увидел и почувствовал, когда в комнату вошла его избранница. Сказал, что никогда не видел подобного колеса, что мои слова о скорой смерти вырвались помимо моей воли. Выслушав меня, он встал и подошёл к окну, долго смотрел на город. Потом сел напротив; назвав меня по имени, сказал: «Можешь называть меня Морисом. И будь спокоен за свою миссию, моя компания подготовит интересное предложение. Но я сам как человек хочу познакомиться с тобой ближе. Надеюсь, ты найдёшь время для нового разговора. Осенью я собираю небольшую компанию, поедem на природу». Помолчав ещё немного, Морис спросил: «Ты узнал женщину, о которой мы говорим сейчас?» Я ответил: «Нет». Покачивая головой, он переглянулся с секретарём и, обращаясь к ней, сказал: «В это трудно поверить, но я ему верю». Потом повернулся ко мне: «Это бывшая первая леди США — Жаклин Кеннеди».

Джеки, так называли её американцы, умерла от рака через два месяца. Каждый раз, случайно увидев упоминание о ней в интернете или книгах, я вспоминаю колесо, медленно наматывающее на светящийся обод тончайшую паутину живого света.

Без даты

Хочу заметить, что экстремальный метафизический опыт часто бывает приурочен к ординарным житейским ситуациям. Ты просто идёшь по торговому центру или ожидаешь приёма у стоматолога, гуляешь по парку — да мало ли незначительных событий происходит с каждым из нас ежедневно, — ничего не предвещает открытий или чрезвычайных происшествий, и вдруг...

1995, январь

Кому молиться в московских пробках? Центр Москвы, двадцать минут еду от Манежа до Госдумы. Прикидываю, сколько проехал, — пятьсот метров. Значит, скорость — полтора километра в час; просто невыносимо! У «Националя» выскакиваю из машины — до места встречи на Варварке пятнадцать минут пешком. Ступеньки подземного перехода покрыты ледяной глазурью; цепляясь за перила, соскальзываю вниз. Здесь один из самых длинных подземных переходов в городе. Наверх можно подняться около Красной площади. Сотни людей. Небольшие магазинчики. Музыканты. Нищие. Настоящие и фальшивые волонтеры собирают деньги и рекламируют свои проекты. Сюда же метрополитен выдавливает влажный и тёплый воздух.

Встраиваюсь в людской поток и не смотрю по сторонам. Основное внимание — под ноги. Снег, занесённый внутрь тысячами туфель и ботинок, превращается в многочисленные ручьи. В местах с забитой ливнёвкой лужи глубиной по щиколотку. Наверху минус десять. Ноги нужно сохранить сухими, старательно обхожу воду и жидкую грязь. И вдруг за что-то сзади зацепилось пальто. Не то чтобы по-настоящему, двигаться можно, но сопротивление ощутимо и неприятно. С досадой оглядываюсь на идущего за мной человека: возможно, это он схватил меня за складку пальто? Но нет. Сзади идёт пожилая пара, оживлённо обсуждают подарок для внучки, никакой физической преграды движению нет. Однако я не могу игнорировать подобие поводка, заставляющего меня отклоняться вправо, ближе к стене подземного перехода.

Выныриваю из мыслей, забываю о лужах. Нужно переключиться на «здесь и сейчас». В двух шагах передо мной группа молодых людей раздаёт брошюры. Две девчонки на подтанцовке, основную работу выполняет мужчина. На вид слегка за тридцать. Внимательный, слишком внимательный для подобной работы, взгляд. Аура подвижная, лимонного цвета, без рисунков и знаков. Гипертрофированно развита горловая чакра. Выбрал меня и бросился наперерез: «Пожалуйста, если не затруднит, я отниму у вас не больше минуты». Вишуддха у его кадыка раскрывает голубоватые лепестки. Нет, мой сладкоголосый, ты здесь не главный. Кто подцепил и подвёл меня к тебе? Беру брошюру — логотип сообщества, о котором после трагедии в токийском метро узнает весь мир. Выбираю в потоке людей крупную женщину с двумя сумками — видимо, приехала в столицу из глубинки, — делаю шаг назад и «случайно» наступаю ей на ногу. Как мне нравится насыщенно красный! Одномоментно с криком: «Придурок!» ныряю во всполохи её ярости. Липучка оборвана. Не переставая извиняться, прячусь в гнев провинциальной гостьи. Так проходим несколько метров. Разорвать связь глаза в глаза, если она подпитана энергией нижней чакры, почти невозможно — пусть попробуют.

Поднимаюсь вверх, к Историческому музею. Быстрым шагом через Красную площадь. Кремль, как всегда, накрыт полусферой со свинцовым отливом. Несколько минут ищу добравшуюся до места запланированной встречи машину. Водитель, привыкший к экстравагантным поступкам шефа, всё же удивлён: меняю своё пальто на его куртку и забираю вязаную шапочку, к отелю «Националь» возвращаюсь по поверхности.

За полчаса, прошедшие с момента моего первого спуска под землю, лёд на ступеньках перехода обкололи. Под ногами хрустят крупные кристаллы соли. Не спеша двигаюсь вдоль подземных витрин. Останавливаюсь, слушаю саксофониста. С этого места хорошо видна компания адептов истины. Девочки суетятся, суют листовки каждому, кто соглашается взять. Молодой человек не обращает внимания на толпу. Пока саксофонист играл Summer time, мой новый знакомый не сделал ни одной попытки заговорить с москвичами. Куда он смотрит? Кто там, на конце линии его взгляда? Саксофонист выводит Strangers in the night. Делаю несколько маленьких шагов. Всё, я его вижу! Человек стоит у противоположной стены перехода, примерно в семи метрах от своих коллег, рассеянно смотрит на людей, которые через несколько

секунд будут проходить около основной группы. Мужчина необычен во всех отношениях. Ярко выраженный азиат, возможно японец. Поджарый. Довольно длинные волосы расчёсаны на пробор. Аура плотная с преобладанием розовато-фиолетового. Сразу отмечаю: плотность ауры не соответствует размеру. Энергия как бы втянута внутрь, хотя внешне человек расслаблен. Музыкант замолчал, начал собирать мелочь из раскрытого футляра. Плохо: если он уйдёт, я лишусь наблюдательного пункта.

Именно в этот момент в толпе, движущейся со стороны Тверской, появляется несколько хорошо одетых мужчин — возможно, это депутаты, уставшие от парламентской работы и направляющиеся в какой-то из многочисленных ресторанов в центре города.

Я хорошо видел, как азиат подал знак рукой и глазами показал партнёру на приближающуюся цель. Далее произошло ожидаемое, но ни разу не пережитое мной вживую. Это была тонкая светящаяся верёвочка. Её появление из сердечной чакры японца сопровождалось жёлтой вспышкой. Верёвочка не была светом в обычном понимании этого явления: тонкий продолговатый светящийся сгусток, напоминавший язык хамелеона, долю мгновения просматривался на ауре азиата, потом, растянувшись, прикоснулся к сердечной чакре одного из состоятельных мужчин. Было ощущение, что между охотником и добычей натянулась невидимая леска. Депутат замедлил движение и остановился прямо у импровизированного рекламного стенда. Уже знакомый мне молодой человек с внимательными глазами подошёл и заговорил с потенциальной жертвой.

Не знаю, как бы я поступил в подобной ситуации сейчас, но тогда не размышлял и действовал по наитию. Я осмотрелся. Музыкант окончательно покинул импровизированную сцену, любители джаза разошлись. Маленькая площадка, вмещавшая пару десятков человек, опустела. Я остался один, в прямой видимости участников спектакля. Команда продолжала работать. Пойманный в силки мужчина раскрыл портфель и достал оттуда свою визитную карточку. Девицы шустро совали в портфель и во внутренние карманы его расстёгнутого пальто яркие брошюры.

Момент был подходящим. Приблизившись вплотную к жертве, я громко, чтобы слышали окружающие люди, сказал: «Мужик, у тебя вытащили бумажник» — и хлопнул его по спине.

Резкое выведение человека из гипнотического транса — процедура небезопасная для всех участников. Как только до затуманенного сознания депутата дошёл смысл реплики, он развернулся и схватил за грудки мирно побиравшегося ханыгу. Хор любопытствующих тут же вступился: «Дурак, не того хватаешь! Это две девки лезли к тебе в карманы». Но девиц уже не было видно. На полу у стены остались сумка с листовками и маленький фанерный баннер.

Депутат метнулся в погоню. Из его раскрытого портфеля сыпались листовки вперемешку с проектами новых законов.

Напрасно я отвлёкся и посмотрел вслед взбешённому парламентариию — момент нападения на себя я прозевал. Упустил из поля зрения оставшегося за спиной японца. Меня как бы парализовало на последней фазе вдоха. Впрочем, это и стало единственным шансом к спасению. Я знал о практике, позволяющей свернуть своё энергетическое тело в точку, но попытки освоить этот навык, базирующийся на управлении энергией выдоха, мне не удавались. Не очень понимаю, как получилось в этом случае. Кто помог мне сделать тот немыслимо долгий и болезненный выдох? Как я собрался в точку и переместился за спину противника? Не знаю. Никогда не отнесу эту победу на свой счёт.

Открыв глаза, я увидел, что мой нос почти упёрся в затылок японца. Я резко дунул в район его макушки; логическая абсурдность этого совершенно нелепого действия поразила меня. Я не представлял, что буду делать дальше. Японец мгновенно обернулся, на лице моего противника я увидел такое же ошеломление. Мы несколько секунд в исступлении смотрели друг на друга, потом японец сделал шаг назад и поклонился так, как это делают бойцы японских единоборств. Завершив поклон, он развернулся и ушёл.

Это была неожиданная, но счастливая развязка. Противник был сильнее и продвинутое меня. Как стало возможным моё мгновенное перемещение? Зачем был сделан этот нелепый выдох в макушку? Что-то я уже понимаю, но всеобъемлющего ответа на эти вопросы у меня нет и по сей день. В 2018 году, просматривая в интернете материалы, связанные с токийским терактом, я увидел среди обвиняемых своего давнего знакомого. Судя по фото, он мало изменился.

2005, февраль

Зима умирала тяжело и некрасиво. Через два дня на третий выпадал мокрый снег; едва подсохшие дороги снова превращались в подобие канализационных канав, по которым плыли обрывки бумажной упаковки, пластиковые бутылки, прелея прошлогодняя листва и хлопья грязной пены. Солнце не появлялось почти месяц. Люди, уставшие от сумрака и уличной грязи, по привычке надевали тёмные вещи и не чистили обувь. Город тонул в апатии и отвращении к самому себе.

Именно в такой февральский день я собрался выполнить обещание, данное моему партнёру по бизнесу. Речь шла о её сыне, мальчик-подросток переживал трудный период. Отсутствие контакта с отцом, переезд в другой город, новая школа — достаточно традиционный набор тревожных предпосылок, порождающих семейные кризисы и трагедии. Мне бы и в голову не пришло вмешиваться в интимную семейную ситуацию, если бы не наши многолетние дружеские отношения. Однако главной причиной стали рассказы мамы о странных изменениях, произошедших с сыном буквально за считанные месяцы после перевода в новую школу. В то, что описывала мать, не хотелось верить. Она говорила, что порой не узнаёт сына — не в поступках и разговорах, а буквально в лицо. Ей казалось, что в мальчика вселилась некая сущность, ежедневно прорастающая в нём и изменяющая его во всё ускоряющемся темпе. Кроме прочего, она стала плохо спать и по ночам чувствует острый немотивированный страх.

Должен сказать, что к моменту описываемых событий мои интенсивные эксперименты с собственным телом и изменёнными состояниями сознания были позади. Доминантами остались наука, искусство и изучение сакральных текстов. Последнее представлялось мне наиболее важным. Нет, я не забросил медитации и другие освоенные мной техники, всё это оставалось в ежедневном расписании, просто акценты моих поисков сместились от тестирования экстремальных состояний души и плоти в область снискания смысла и духа. Но ко мне обратился близкий человек, с которым за годы совместной работы мы пережили немало испытаний. Передо мной была мать, с ужасом наблюдавшая за страшными изменениями в своём сыне. Я согласился. Было решено, что я приеду один и пообщаюсь с мальчиком пару часов с глазу на глаз, мама же приедет позже, ко времени ужина.

Я завершил рабочий день к трём пополудни. Отпустил водителя. Сам сел за руль. Включил любимую музыку. Настроение было прекрасным.

Серое низкое небо казалось мягким, водители других автомобилей — невероятно приятными и корректными. Жизнь нежно обволакивала и искрилась. Я улыбался и подпевал Элтону Джону.

Блаженны не ведающие будущего! Если бы знать, что случится через двадцать минут, где были бы мои безмятежность и радость?

Представьте себе: после работы вы возвращаетесь домой, от станции метро до дома — полквартиры. Подмораживает, но вы в предвкушении приятного вечера, дневные заботы остались позади. Чайник закипит быстро, в холодильнике вкусная еда. Даже чуть-чуть поджигающая естественная нужда не в тягость, потому что не нужно бежать в заплёванный общественный туалет, вас ожидает домашний — чистый и уютный. Вот уже распахнута дверь подъезда, холод и сырость остались во внешней тьме, лифт возносит ваше тело вверх. С привычным потрескиванием дверца лифта отъезжает в сторону, и... вы оказываетесь на поверхности Марса. Минус сто по Цельсию, лифт исчез. В лёгких остался воздух, но если выдохнуть, то это будет последний выдох.

Без четверти четыре, выйдя из лифта на лестничную площадку моих друзей, я не знал, что меня ожидает нечто подобное. Блаженны не ведающие будущего!

Я позвонил и почувствовал опасность ещё до того, как открылась дверь. Меня поразил звук шагов. Нет, не сам звук! Странные вибрации, передававшиеся через пол и застревавшие у меня под сердцем.

Пять шагов по коридору ещё невидимого мне человека. Казалось бы, мелочь, но уже при звуке третьего шага мой полупустой желудок попытался избавиться от содержимого. Резкий спазм не только выплеснул в рот волну горечи, но и запустил все рефлексy самосохранения и защиты. Красная лампочка мигала. Внутренний зуммер верещал: «Тревога!»

В момент, когда дверь открылась, я был готов. Раскрутил вокруг себя эллипсоид ослепительно белого цвета, вся доступная мне энергия была мобилизована и закачана в эту защиту. Такие фокусы даются большим трудом. С технической точки зрения речь идёт о согласованном резонансном взаимодействии древнего и нового отделов мозга.

Открываемая дверь зацепилась за что-то невидимое. Характерно зашелестел попавший под нижнюю кромку пластиковый пакет. Первым, что попало в поле моего зрения, были кисть руки и часть спины. Мальчик пытался вытащить из щели под дверью невидимый мне предмет, одновременно он говорил: «Подождите, я сейчас». Я молчал. Не отвечал, потому что не верил ни одному его слову. Я точно знал, что пакет подsunут под дверь специально. Что тот, кто опустил голову мальчика и пока прикрыт от меня дверью, готовится к нападению. В чём состоял его замысел, я не знал. Неведение — мать страха. Полное неведение — мать ужаса. Переступив границу нормы, не нужно пытаться представить или просчитать, эта стратегия обречена на провал. Единственное, на что ты реально можешь опереться, — навык импровизации.

Я уже чувствовал, как шевелятся мелкие волоски на руках и спине. Видел, как меняет цвет окружающий воздух, но не двигался и не думал. Моё действие или бездействие будет следствием первого хода того, что контролирует сейчас бедного подростка. Сегодня белыми играет оно.

Мальчик распрямился, будто согнутая и внезапно отпущенная ветка. Дверь, подобно театральному занавесу, раскрылась. В просторном коридоре, заполненном красным свечением, стоял мальчик в маске. Если бы я оказался на берегу Стикса перед лицом Харона или без скафандра на Марсе, думаю, что ощущения были бы примерно одинаковыми. Воздействие осуществляло не столько видимое, сколько присутствующее и невидимое. Если вы хоть раз входили в воду Мёртвого моря, никогда не забудете изумления мозга, видящего воду, но чувствующего масло. Ровно так же мой включившийся разум вопил, что маска, и мальчик, и шкафы, и вешалка для одежды — всего лишь видимость, скрывающая суть. Что пока я не определяю, с чем именно имею дело, мои усилия — пустая трата энергии.

От меня требовалась импровизация. Многое, очень многое зависело от моего ответного хода.

Я уже рассмотрел маску. Это был сгусток плотной энергии, принявший форму древнегреческой театральной маски. Миндалевидные разрезы глаз и тонкая ротовая щель. Маска была приглушённо-стального цвета. Казалось, что она не отлита, а выкована из очень тяжёлого и неподатливого металла; на поверхности маски ясно просматривались вмятины от молотка.

Я поздоровался, дважды назвав имя мальчика. Сначала вопросительно, а после «здравствуй» — ещё раз. «Извини, что без приглашения». В глубине глазных прорезей увидел движение зрачков. Очень глухой голос ответил: «Ничего, проходи. Ты знаешь правило?». Я ответил: «Правил много. О каком ты говоришь?» Под маской хмыкнули: «Вход — рубль, выход — два».

Мальчик сделал приглашающий жест в сторону кухни. Отодвинулся к стене, как бы открывая дорогу. Но нет, я не сделаю такой ошибки! Иди вперёд, я за тобой. Двинувшись по коридору и не поворачивая головы, подросток спросил: «Зачем ты приехал?»...

Всё закончилось через час — последний кусок растрескавшейся маски отвалился от лица и растворился в воздухе. Ещё час мальчик рыдал, уткнувшись в моё плечо. Я гладил его голову и повторял: «Всё, теперь всё закончилось. Не бойся! Ты молодец! Ты всё забудешь». Он так и

уснул стоя. Я перенёс его в комнату. Вернулся на кухню, открыл форточку. Прочитал молитву. Уходя, захлопнул дверь с автоматическим замком.

В машине долго не включал двигатель. Мне хотелось замёрзнуть. Я совсем не чувствовал тела. Наконец озноб вернул меня в реальность.

Ну кто же ездит по Москве вечером? С равным результатом можно встать на обочину и наблюдать, как десятки тысяч таких же, как ты, неудачников пытаются вырваться за кольцевую дорогу, к свежему воздуху. Я провёл в пробке примерно полтора часа и вдруг почувствовал, что сильно вспотел. Это было странно: на мне были деловой костюм и лёгкое пальто, в автомобиле — комфортная температура, но я ощущал, что с каждой минутой моя рубашка набухает от влаги. Так бывает, когда после долгого сидения в сауне ты по инерции потеешь, завернувшись в махровую простыню. Я остановил машину, снял пальто. Пытаясь перебросить его на заднее сиденье, высоко поднял руку. Рукав пиджака задрался, и я увидел, что манжета моей белой рубашки, как операционная салфетка, пропитана кровью. Сообразив, что ощущал влагу по всему телу, лихорадочно расстегнул пуговицы рубашки. Сквозь поры кожи на груди и руках, везде в верхней части тела проступали капельки крови.

Век живи — век учись! Оказалось, что кровавый пот — вовсе не фигура речи.

На протяжении всей жизни

Антуан де Сент-Экзюпери написал: «Истина — это не то, что можно доказать, это то, чего нельзя избежать». Эта цитата много лет живёт в моём сердце, периодически среди ежедневных дел всплывает в памяти, вклинивается в поток суетных мыслей. Первая часть меня не волнует, математики уже осмыслили эту проблему: «Для всякой непротиворечивой системы может быть эффективно построено истинное, но невыводимое из неё утверждение». Меня повергает в глубокие размышления конец цитаты: «то, чего нельзя избежать». В своём нынешнем понимании бытия я предполагаю, что единственное, чего не может избежать человек, — это жизнь.

«Жизнь» — не описка. Не смерть, неизбежность которой является общепризнанным бытовым фактом. В следующих главах или в новой книге я вернусь к этой духовной тайне, но сейчас мне хочется спуститься из мира идей на землю. Показать, как причудливо этот всеобъемлющий принцип проявляется в событиях моей судьбы. Возможно, пример не будет логически тривиальным, но, как говорится, никто не обещал, что будет легко.

Мне хочется рассказать о языке. Вначале бессмысленно давать пояснения, что я, собственно, имею в виду. Надеюсь, что к концу главы из пёстрой мозаики отдельных воспоминаний удастся собрать пазл с понятной картинкой.

Я родился и до восьми лет рос на маленьком кубанском хуторе «Смело за дело». Это название досталось ему от толстовской коммуны, перебравшейся на плодородные земли после Октябрьской революции. К моменту моего появления на свет следы благородного происхождения, возможно, и сохранились в генах некоторых обитателей хутора, но язык, на котором говорили вокруг, был простонародной смесью русского, украинского, идиша и кавказских наречий. Собственно, для меня он был единственным известным языком.

Первая встреча с другим случилась зимой с пятого на шестой год жизни. Именно зимой, потому что в другое время эта встреча была невозможна.

С ранней весны хутор, оттаяв, уплывал в бескрайний степной океан. Вода этого океана изменяла цвет от чёрного до зелёного, золотого и палевого. Все обитатели, как и положено корабельным матросам, трудились не покладая рук. Останавливались лишь изредка. Опирались на черенки лопат или грабель, задирали головы и пристально всматривались в небо: ожидать ли дождя? Передохнув, возвращались к грядкам, деревьям, коровам, курам и всему тому, что ежедневно требует присмотра и заботы. К ноябрю, когда трюмы были полны под завязку, корабль увязал в осенней распутице.

После первых обильных дождей чернозём превращался в подобие мягкого пластилина, просёлочные грунтовки раскисали. Связь с внешним миром прерывалась. Электричества на хуторе не было, окном во внешний мир было радио — после войны слаботочную линию провели от ближайшей станицы. У нас был радиоприёмник, вернее это был просто динамик со шнуром и вилкой, помещённый в фанерный ящик. Эту замечательную штуку можно было включить, воткнув вилку приёмника в единственную в доме розетку. Не помню, кто научил меня этой нехитрой процедуре, но с этого момента я стал радиоманом.

Зима, непролазная грязь, отсутствие товарищей для детских игр — всё это подталкивало к волшебному ящичку, непрерывно сообщающему новости о строительстве коммунизма. Уже через неделю я знал, где среди этого словесного хлама прячется прекрасная жемчужина — передача «Театр у микрофона». Она начиналась около восьми или девяти вечера, когда мои бабушка и дедушка уходили спать.

Прижавшись ухом к динамику, я слушал: «Добрый вечер, дорогие товарищи! Сегодня предлагаем вашему вниманию радиоспектакль по пьесе Александра Николаевича Островского...»

О, дивный островок чистого счастья! Маленький хуторок, живущий на границе космоса и степи. Ночь. Мальчик, при свете керосиновой лампы слушающий слова великих пьес. За три зимы я прослушал почти всю театральную классику. Это было моё первое личное свидание с языком.

Следующий кусочек мозаики до сих пор не исчерпал себя и встряхивает меня осязаемым разрядом при любом случайном соприкосновении.

Размышляю, как назвать это причудливое переплетение обстоятельств, совпадений, знаков судьбы, и не нахожу ничего лучше, чем буквальная отсылка — английский язык.

История началась в маленьком районном центре Кубани, там, где жили и работали мои родители. В восьмилетнем возрасте я был извлечён из хуторского рая и перемещён к дверям средней школы.

Школа мне понравилась, учёба давалась легко. Однако гармония внутреннего мира была сильно нарушена неожиданным открытием. Я обнаружил необъяснимое, но совершенно очевидное для детской души проявление социальной иерархии. Школа, рядом с которой я жил и поэтому был в неё принят, оказалась самой престижной в маленьком городке. В классе из тридцати человек образовалась небольшая группа детей, смотревших на остальных свысока. Они жили в квартирах с удобствами, приносили в портфелях необычные игрушки, наконец, хвастались уроками фортепиано, посещением спортивных секций и кружком английского языка.

Я был самостоятельным мальчиком с хуторской практической смёткой. Понимал, что квартира с тёплым туалетом — дело далёкого будущего, а вот к спорту и английскому языку можно приблизиться уже сейчас. В обмен на найденную в земле латунную гильзу я получил сведения, где и когда проходят занятия. Не откладывая, отправился на поиски английского кружка.

В городе я ориентировался не очень уверенно, поэтому старый сквер, внутри которого стоял нужный дом, нашёл не сразу. По виду это был небольшой дореволюционный особняк с колоннами и полукруглым мансардным окном. Сделав первые шаги по саду, я почувствовал глубокое волнение. Всё, что окружало меня, приобрело значительность и какие-то особые краски. Деревья сквера, как бы увеличившись в размерах, отгородили центральную аллею и дом от окружающих строений; странно, но в этот не поздний ещё час в аллее горели фонари. Я остановился у небольшой лестницы.

Хорошо помню выщербленный камень ступеней. Когда я попытался поставить ногу на первую, пришлось довольно высоко поднять колено. В голову пришла мысль, что и эта лестница, и громадная, в два человеческих роста, дверь сделаны не для всех. Я не додумал, для кого именно, потому что другая мысль вытеснила первую: как я открою эту дверь? На тяжёлых створках были две покрытые патиной бронзовые ручки. Я стоял, не зная, которую тронуть. Наконец решился и потянул за левую; не сразу, но дверь поддалась. Через узкую щель я протиснулся между створками. После яркого дневного света внутри было сумрачно и тихо. Тяжёлые портьеры закрывали окна. Пол был мраморным, с причудливым геометрическим рисунком в центре. Казалось, что дом пуст. Я вышел на середину довольно большого зала первого этажа, отсюда по правую и левую руку открывались два коридора. Ощущение значимости места и какая-то особая наполненность тишины завораживали. На некоторое время я забыл о цели своего прихода.

Вдруг в правом коридоре открылась одна из дверей. Со словами «Подождите минутку!» из-за двери появилась женщина в строгом костюме и чёрных лакированных туфлях. С нескрываемым изумлением посмотрев на меня, она спросила: «Мальчик, как ты сюда попал? Я же закрыла дверь на замок». Я ответил, что дверь была открыта. Дама пошла в противоположную от входа в сторону и быстро вернулась. Показала ключ и, пристально глядя на меня, проговорила: «Дверь закрыта. Ты пришёл вместе с ребятами?» В свою очередь, я показал на приоткрытую створку входной двери. Женщина с недоверием нажала на старую дверь, и та почти

беззвучно захлопнулась. «Знаешь, я работаю здесь уже пять лет и никогда не видела эту дверь открытой. Что же, заходи, если пришёл».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.